

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет
Кафедра русского языка

Гаврилова София

АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ СОЧИНЕНИЯ ИОАННА ВИШЕНСКОГО
РУБЕЖА XVI–XVII ВЕКОВ «КНИЖКА»: ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Выпускная квалификационная работа
на соискание степени магистра лингвистики

Научный руководитель:
д. филол. наук, проф.
Рождественская Татьяна Всеволодовна

Рецензент:
канд. филол. наук, м. н. с. ИЛИ РАН
Сосновцева Елизавета Григорьевна

Санкт-Петербург
2017

Оглавление

Generating Table of Contents for Word Import ...

Введение

В нашем исследовании обсуждаются вопросы, связанные с языковой ситуацией в Юго-Западной Руси XVI – начала XVII вв. и функционированием «простой мовы» в религиозной полемической литературе этого времени. Настоящее исследование лежит в области исторической лексикологии. Мы рассматриваем закономерности взаимного функционирования различных в лексико-семантическом, стилистическом и генетическом аспектах языковых элементов в тексте произведения Иоанна Вишенского «Книжка».

Целями исследования являются:

- определение и описание специфики идиостиля Иоанна Вишенского при использовании анализа имен существительных;
- определение типа его языка и литературной традиции, в русле которой работал писатель;
- характеристика полемической позиции автора, творившего в Юго-Западной Руси на рубеже XVI–XVII вв.;
- определение роли имен существительных в построении полемического высказывания Иоанна Вишенского.

Настоящее исследование является попыткой проанализировать лексику в художественном произведении на ограниченном объеме материала и отработать методику такого анализа.

Для достижения обозначенных целей были выполнены следующие задачи:

- осуществить выборку имен существительных из текста «Книжки»;
- проанализировать собранный корпус лексем, в том числе в статистическом отношении;
- разработать лексико-семантическую классификацию выбранных имен существительных;

- охарактеризовать собранный корпус лексем в генетическом и стилистическом аспектах;
- выявить и описать наиболее частотные словообразовательные модели в пределах рассматриваемого материала;
- охарактеризовать специфику функционирования композитов.

Объектом настоящего исследования является лексический состав текста наиболее крупного произведения Иоанна Вишенского «Книжка». Иоанн Вишенский по праву считается выдающимся староукраинским писателем, создававшим произведения религиозно-полемической направленности во второй половине XVI – начале XVII вв. на территории Юго-Западной Руси и на Афоне. «Книжка» является сборником отдельных произведений и небольших заметок Иоанна Вишенского разного времени написания, составленным самим автором. В нем содержится 10 глав разнообразной жанровой направленности и три авторских предисловия, которые посвящены обличению католических и униатских церковных и светских деятелей (современников Вишенского), поддержавших принятие положений Брестской унии в 1596 году на территории Юго-Западной Руси. Исследование «Книжки» представляется нужным, так как «Книжка» в силу своего объема, разнородной жанровой структуры и обширности тематического материала является одним из наиболее крупных и значимых произведений религиозно-полемической литературы Юго-Западной Руси.

Предметом нашего исследования являются имена существительные, выделенные из глав 1, 2, 3, 4, 7, 8, 9 названного сочинения, а также из трех авторских предисловий и оглавления: введения, в котором автор представляет «Книжку» и указывает ее посланнический характер, «Оглавления писанного в книжце. Краткословие», «О чину прочитания сего писания» и «Ко прочитателю наединѣ сего писаня». Нами не были рассмотрены существительные, употребленные в тексте глав 5, 6 и 10 (обоснование выбора материала дается в параграфе 1.5. «Краткий археографический комментарий к «Книжке» Иоанна Вишенского» главы 1). Нами были проанализированы

существительные из всех глав «Книжки» Вишенского, которые считаются оригинальными и не представляют собой компиляцию, благодаря чему удалось сохранить однородность рассматриваемого материала и проанализировать именно авторский текст.

Основным материалом для нашего исследования является текст «Книжки», подготовленный и изданный И. П. Ереминым в серии «Литературные памятники»¹. При анализе имен существительных учитываются все разночтения, зафиксированные в пяти различных списках «Книжки». Издание Еремина было выбрано, во-первых, в силу своей авторитетности и высокого качества составления, во-вторых, по причине публикации текста в наиболее полной и точной форме по двум наиболее хорошо сохранившимся спискам (рукопись Львовской библиотеки и рукопись РНБ, собр. Ф. А. Толстого), в отличие, например, от издания С. Голубева², где текст публикуется по неполному московскому списку собр. А. С. Уварова (РГБ) с неточностями и пропусками «темных мест» в рукописи. Наличие развернутого комментария ко всем изданным Ереминым сочинениям Вишенского, краткого археографического обзора произведений, небольшого авторского словаря, в котором определяются значения непонятных для читателя слов, убеждает нас в необходимости использования именно этого издания текстов Иоанна Вишенского.

Методами настоящей исследовательской работы являются описательный и статистический методы, методы контекстуального семантико-стилистического и словообразовательного анализа.

Актуальность исследования состоит в том, что его проблематика связана с одной из актуальных проблем изучения феномена «простой мовы» и ее функционирования в религиозной полемической литературе XVI–XVII вв. Новизна исследования состоит в том, что впервые заложена основа комплексного лексикологического исследования текста произведения Иоанна

¹ Иван Вишенский. Сочинения / Подг. текста, ст. и ком-и И. П. Еремина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.

² Голубев С. Архив Юго-Западной России. Ч. 1. К., 1887. Т. VII. С. 19-48.

Вишенского «Книжка» на примере функционирования имен существительных и проведена попытка отработать метод такого анализа на лексическом материале одного произведения.

Работа состоит из введения, двух глав и заключения. В первой главе представлен краткий обзор научной литературы по исследованию лингвистической ситуации на территории Юго-Западной Руси XVI–XVII вв., охарактеризован феномен «простой мовы», дана характеристика личности Иоанна Вишенского, его культурной и общественной позиции. Отдельный параграф первой главы посвящен характеристике языковой позиции Иоанна Вишенского, здесь же представлен краткий археографический комментарий к «Книжке» — самому крупному произведению писателя. Во второй главе мы провели анализ выбранных лексем, охарактеризовали особенности выделенного корпуса существительных, описали наиболее обширные лексико-семантические и тематические группы существительных, выделенные при анализе корпуса. Кроме того, был охарактеризован собранный материал в статистическом отношении, описаны стилистическая и генетическая составляющие корпуса, а также в целом было охарактеризовано лексическое своеобразие идиолекта Вишенского. Были проанализированы наиболее продуктивные словообразовательные модели в пределах рассматриваемого материала, охарактеризованы композиты. Жанровая специфика выбранных глав «Книжки» также была рассмотрена в отдельном параграфе. В заключении мы обобщили данные лексического корпуса, сделали некоторые выводы относительно типа языка и варианта литературной традиции, которой придерживался Вишенский, охарактеризовали лексическое (и шире — языковое) своеобразие языка писателя на примере рассмотрения одной части речи.

Глава 1. Язык произведений Иоанна Вишенского в культурно-историческом и лингвистическом контексте Юго-Западной Руси XVI-XVII вв.

1.1. О лингвистической ситуации в Юго-Западной Руси XVI-XVII вв.: проблемы понятия «простая мова»

Расцвет религиозной полемической литературы Западной Руси приходится на вторую половину XVI – первую половину XVII вв. В 1569 году на Люблинском сейме по предложению польской аристократии было провозглашено политическое объединение Литвы и Польши, что означало образование нового государства — Речи Посполитой. Литовское княжество вошло в состав Речи Посполитой как автономное государство, однако признало свою политическую зависимость от Польши. После унии часть территорий Юго-Западной Руси, которые входили ранее в состав Литовского государства, перешли под власть Польши. Это были Киевская, Волынская и Брацлавская земли, а также часть территорий, расположенных по левую сторону от Днепра (Левобережье). Жители этих территорий пытались отстаивать свою независимость от польской аристократии, сохранять свою национальную культуру и язык. Иоанн Вишенский наравне с другими писателями-полемистами того времени в литературной форме выражал интересы своих земляков. Формально Левобережная территория оставалась под властью Литвы, однако польские магнаты и шляхта распространяли здесь свое влияние. Со второй половины XVI века угнетение православных крестьян польской шляхтой становится особенно сильным, а в середине 60-х годов XVI века в Польшу из Ватикана по приглашению польского короля Стефана Батория были направлены иезуиты для борьбы с недовольствами православных¹.

¹ Охрименко П. П., Пильгук И. И., Шлапак Д. Я. История украинской литературы. Краткий курс. Пособие для студентов-филологов по литературе народов СССР / Под ред. Е. С. Шаблювского. М.: Просвещение, 1969. С. 29.

После политической унии 1569 г. была принята «конфессиональная» уния, провозглашенная в 1596 г. на церковном соборе в Бресте (Брест-Литовске). По условиям Брестской унии, католическая и православная церкви на территории Речи Посполитой и контролируемых ею землях объединились под властью папы римского. Это решение было принято некоторыми епископами православной Киевской митрополии во главе с митрополитом Михаилом Рогозой и поддержано иезуитами, польскими магнатами, местной польской шляхтой и некоторыми духовными деятелями. На территории Западной Руси по последнему условию Брестской унии, заранее обговоренному с папой римским, возникла так называемая униатская церковь — католическая церковь, в которой богослужение проводилось на церковнославянском языке с сохранением греческого обряда. У истоков создания этой церкви стояли такие духовные деятели Западной Руси, как, например, епископы Ипатий Потий и Кирилл Терлецкий. Таким решением польская аристократия надеялась окончательно подчинить себе православные земли Западной Руси, лишить жителей «Малой Руси» национальной самоидентичности и разорвать культурные связи между Московской и Юго-Западной Русью¹.

После Брестского собора церковные деятели разделились на два лагеря — «православный» (враждебный католикам, не принявший условия унии) и «униатский» (союзнический). Позже к униатской церкви присоединились епископы Григорий Загоровский, Дионисий Збируйский, Леонтий Пелчицкий. Приверженцев такой церкви и людей, поддержавших принятие Брестской унии и польскую власть, в литературе принято называть униатами. В составе «православного» лагеря оказались православные крестьяне, низшее духовенство, некоторые духовные и светские деятели (например, князь Василий-Константин Острожский, патриарший экзарх Никифор, некоторые епископы Киевской митрополии).

¹ Еремин И. П. Иван Вишенский и его общественно-литературная деятельность // Иван Вишенский. Сочинения / Подг. текста, ст. и ком-и И. П. Еремينا. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 224.

Исторические события повлекли за собой возникновение религиозной борьбы, отраженной, в частности, в полемической литературе XVI–XVII вв. Полемика между авторами, принадлежавшими к разным идеологическим «лагерям», проводилась в условиях существования специфической языковой ситуации в Юго-Западной Руси того времени. Лингвистические ситуации в Московской и Юго-Западной Руси XVI–XVII вв. представляли собой разные по своей природе явления. Первая была названа Б. А. Успенским¹ ситуацией языковой диглоссии, а ситуация в Юго-Западной Руси — ситуацией языкового двуязычия. В нашем исследовании мы придерживаемся точки зрения Успенского, так как полагаем, что такая трактовка языковых ситуаций может дать при лексическом анализе текста «Книжки» результаты, важные для характеристики словарного состава «простой мовы» в условиях полиэтничности, поликонфессиональности и многоязычия. В ситуации языковой диглоссии церковнославянский и древнерусский языки находятся в отношениях дополнительной дистрибуции, причем сферы их функционирования не пересекаются. Церковнославянский язык используется в богослужении и при написании религиозных сочинений, а древнерусский язык используется в обиходе и деловой сфере, на нем пишут произведения светской тематики. Такая ситуация, как отмечает Б. А. Успенский в другой своей книге², очень устойчива и может существовать в неизменном состоянии довольно долго. Оба языка гармонируют друг с другом, формируя сбалансированную систему. В ситуации языковой диглоссии невозможны переводы Библии с церковнославянского языка на древнерусский (так как в последнем не существует лексики, которая могла бы выступить аналогом абстрактной лексики), не существует пародий, посвященных обличению церковнославянского языка, в отличие от ситуации языкового двуязычия. Такая ситуация, наоборот, весьма уязвима, не может долго существовать во

¹ Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв). 3-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2002.

² Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. (Язык; Семиотика; Культура).

времени, однако представляет собой уникальное явление. Суть ее состоит в том, что два литературных языка — церковнославянский и «простая мова» в условиях Юго-Западной Руси — конкурируют друг с другом и используются во всех сферах человеческого общения. Церковнославянский язык олицетворяет собой книжную традицию, а «простая мова» возникает на народной или деловой основе. На территории Юго-Западной Руси XVI–XVII вв. «простая мова» в конце концов вытеснила церковнославянский язык и создала предпосылки для будущего развития украинского и белорусского языков не на книжной, а на национальной, разговорной основе.

Понятие «простая мова» и языковой статус этого явления представляют собой актуальную и неразрешенную по сей день проблему. Обычно под «простой мовой» понимают «актовый канцелярский язык Юго-Западной Руси, официально признанный в Польско-Литовском государстве как язык судопроизводства»¹, который, утратив функции сугубо делового языка, стал употребляться вне деловых текстов, в различных литературных жанрах богословского и светского характера. Позднее он подвергся кодификации и нормированию (в основном на уровне морфологии и орфографии) и стал функционировать как письменный литературный язык. Первые памятники, написанные на «простой мове», относятся к XIV–XV вв. Как предполагает Е. А. Смирнова², в основу этого языка могли лечь западнорусские диалекты, на которых говорили русскоязычные жители Великого княжества Литовского в XVI–XVII вв. Это наречие, которое уже в то время называлось *руским*, отражало оформление на грамматическом и лексическом уровнях белорусского языка и его будущее развитие. М. Гардзанити справедливо отмечает³, что до нашего времени «отсутствует

¹ Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. С. 68–69. (Язык; Семиотика; Культура).

² Смирнова Е. А. Проста мова // Русская речь (Из истории культуры и письменности). № 3. М., 2009.

³ Гардзанити М. «Учительское Евангелие» Мелетия Смотрицкого в контексте церковнославянской традиции евангельской гомилетики и проблема перевода Евангельских чтений // Traduzione e rielaborazione nelle letterature di Polonia Ucraina e Russia XVI-XVIII secolo. Alessandria, 1999.

какое-либо системное описание самого языка [«простой мовы»] и его релевантных характеристик, прежде всего в сопоставлении с польским и церковнославянским языком того периода». Некоторая искусственность «простой мовы», отмечающаяся в научной литературе, побуждает исследователей не признавать ее собственно языковой статус. Например, Е. Ф. Карский полагал, что «им [простой мовой] никто никогда не говорил и не говорит, <...> так как он представляет самую отвратительную смесь, какую только можно себе представить и какая когда-либо существовала на Руси»¹. Исследователь Я. Головацкий, на которого ссылался Е. Ф. Карский и Е. А. Смирнова, говорил о «простой мове» в целом и о языке Библии Франциска Скорины 1517–1519 гг.² в частности, что «то [есть] язык ни белорусский, ни великорусский, ни малорусский, а язык книжный искусственный, яким никто никогда не говорил и не говорит».

Выражение «проста мова» нельзя понимать буквально, так как оно восходит, как отмечает Б. А. Успенский, к книжному латинскому выражению *Lingua rustica*. В научной литературе принято проводить функциональное различие между церковнославянским языком (первоначально только богослужебным), «простой мовой» (первоначально только деловым языком) и родственными ей диалектами — «волынскими» (украинскими) и «литовскими» (белорусскими). Отличия между «простой мовой» и диалектной разговорной речью четко осознавались еще в XVII веке. Это отражено, например, в грамматике Иоанна Ужевича 1643 г.³ — *lingua sacra sclavonica*, *lingua sclavonica*, *lingua popularis*; в «Лексиконе славеноросском альбо имен толковании» Памвы Беринды 1627 г.⁴ — «славянороссийский»,

¹ Карский Е. Ф. Что такое древнее западнорусское наречие. Отд. оттиск из «Трудов IX археологического съезда в Вильне». М., 1893. С. 2.

² Это одна из первых попыток перевода текста Ветхого Завета на «простую мову».

³ Кудрицкий Є.М. Іван Ужевич — український граматист XVII ст. і його праця // Мовознавство. № 1. К., 1970.

⁴ «Лексикон словеноросський альбо имен толкование» Памви Беринди / Підг. тексту і вступ. ст. В. В. Німчука. К., 1961.

«российская беседа общая» или «простая мова», «волынские и литовские» диалекты; в рукописной «Науке христианской» 1670 г., составленной неким священником Симеоном Тимофеевичем — «простая мова» и «барзо простая мова, диялект»; в львовском букваре 1790 г. — «простая мова» и «простацкая мова». Б. А. Успенский доказывает, что выражение «беседа общая» у Памвы Берынды как обозначение «простой мовы» представляет собой кальку с греческого языка. Таким образом, церковнославянский язык начинает ассоциироваться с книжным греческим языком, а «простая мова» — с разговорным греческим. В. В. Иванов пытается аргументировать скорее сходство, чем различие «простой мовы» и живых диалектов, обозначая их соответственно письменным западнорусским (рутенским) языком и устным западнорусским (рутенским) языком (языком «по-просту»). Тем не менее, исследователь признает, что письменный язык, испытав на себе влияние церковнославянского синтаксиса и лексики, являлся «одним из тех письменных раннеславянских койне, где (как, например, и в древнерусском языке большинства текстов литературы Киевской Руси) соединялись церковнославянские элементы с местной традицией разговорного языка»¹.

Попытки изучения и описания «простой мовы» и языковой ситуации на территории Юго-Западной Руси предпринимались еще в конце XIX – первой трети XX вв., например, П. И. Житецким², М. В. Довнар-Запольским³, А. А. Назаревским⁴, Е. Ф. Карским. В XX веке языковым статусом «простой мовы» занимались И. Огиенко, Л. Л. Гумецкая⁵, В. Н. Перетц, П. П. Плющ. В

¹ Иванов В. В. Славянские диалекты в соотношении с другими языками ВКЛ // XIII международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2003. С. 258-288.

² Житецкий П. И. Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII и XVIII вв. Ч.1. М., 2011.

³ Довнар-Запольский М. В. История Белоруссии. Минск: Беларусь, 2005.

⁴ Назаревский А. А. Язык Евангелия 1581 года в переводе В. Негалевского // Университетские известия. К., 1911. Кн. 8, 11, 12.

⁵ Гумецкая Л. Л. Вопросы украинско-белорусских языковых связей древнего периода // Вопросы языкознания. № 2. М., 1965. С. 39-44.

настоящее время к различным аспектам проблематики «простой мовы» обращаются такие исследователи, как В. Мякишев¹, Б. А. Успенский, М. Мозер², В. М. Мойсиенко³, А. Рабус⁴, С. Ю. Темчин(ас)⁵.

Лексический состав «простой мовы» неоднороден. Он представляет собой смесь из заимствований из греческого, латинского, польского, немецкого, литовского языков, украинизмов, русизмов. С выходом «простой мовы» за пределы деловой письменности и постепенным ее нормированием в лексику этого языка стали проникать церковнославянизмы, а чуть позже — полонизмы из речи образованных людей и с все увеличивавшимся культурным влиянием Речи Посполитой⁶. В отличие от церковнославянского языка, в «простой мове» неизменно существовал разговорный субстрат, который подвергался искусственному окнижению, с одной стороны, за счет полонизации, с другой стороны, за счет славянизации. «Простая мова» содержала в себе потенциал к языковому развитию за счет присутствия в ней разговорных элементов, и, соответственно, как гибкая, динамическая структура «простая мова» («речь») все время обогащалась живой речью и находилась в более выигрышном положении по сравнению с церковнославянским «языком», который ориентировался на системность и традицию. Б. А. Успенский⁷ выделяет в пределах «простой мовы» существование двух вариантов — украинского (более славянизированного) и

¹ Мякишев В. «Мовы» Великого княжества Литовского в единстве своих противоположностей // *Studia Russica*. XVIII. Budapest, 2000.

² Мозер М. Что такое «простая мова»? // *Studia Slavica Hungarica*. Budapest, 2002. S. 221-260.

³ Мойсиенко В. М. Этноязыковая принадлежность «русской мовы» во времена Великого княжества Литовского и Речи Посполитой // *Славяноведение*. № 5. М., 2007. С.45-64.

⁴ Rabus Achim. Variation im System? Die Register der ruthenischen Schriftsprache ('prosta mova') // *Die Welt der Slaven*. LV. München, 2010. S. 105-116.

⁵ Темчин С. Ю. Функционирование русской мовы и иерархия церковных текстов // *Studia Russica*. XXIII. Budapest, 2009. С. 226-234.

⁶ Гарбуль Л. П. «Простая мова» как проводник польского влияния на русский приказный язык второй половины XVI – первой половины XVII в. // *Slavistica Vilnensis*. Vilnius, 2008. P. 192-198.

⁷ Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. (Язык; Семиотика; Культура).

белорусского (более полонизированного). Границы между белорусским вариантом «простой мовы» и польским языком, как отмечал А. И. Соболевский¹, часто оказывались весьма расплывчатыми. Языковое двуязычие в Юго-Западной Руси, по мнению Успенского, копировало ситуацию латинско-польского двуязычия в Польше, причем польский язык, по замечанию Е. Ф. Карского², в то время также мог называться «простым» языком.

Основными проблемами при выяснении языкового статуса «простой мовы» являются, во-первых, невозможность определить ее точное происхождение, во-вторых, невозможность сформировать исчерпывающий набор ее языковых особенностей, на основании которых можно было бы провести сравнительный анализ произведений того времени. Как отмечает Е. А. Смирнова³, исследователи не могут прийти к единому мнению и точно охарактеризовать ее происхождение, поэтому в науке существует множество наименований этого языка. В период собственно функционирования «простой мовы» писатели также называли это языковое явление по-разному. Василий Тяпинский, переводчик Евангелия на «просту мову», называл западнорусский народ и его язык *зацным руским*. Франциск Скорина, описывая язык своих переводов, называл его *руским*, противопоставляя ему *словенский* язык. Лаврентий Зизаний и Памва Берында называли «простую мову» *литовским* языком: *катехизис* — по-литовски ‘оглашение’; *пѣтель* по-церковнославянски, по-волынски *пѣвень*, по-литовски *петухъ*. Как писал Е. Ф. Карский⁴, «простая мова» содержала в себе некоторые отличительные черты будущих белорусских говоров, поэтому многие исследователи,

¹ Соболевский А. И. История русского литературного языка. Л., 1980.

² Карский Е. Ф. Западнорусские переводы Псалтири в XV-XVII веках. Варшава, 1896.

³ Смирнова Е. А. "Проста мова" как лингвистический феномен Великого княжества Литовского (на лексическом материале *Евангелия Тяпинского* в сравнении с *Острожской библией*) // *Slavistica Vilnensis*. Kalbotyra 54 (2). Vilnius, 2009. P. 199-206.

⁴ Карский Е. Ф. Что такое древнее западнорусское наречие; отд. оттиск из «Трудов IX археологического съезда в Вильне». М., 1893.

например, Е. М. Огоновский, П. И. Житецкий, А. И. Соболевский, Ф. И. Буслаев, И. Недешев, В. Владимиров, Ю. Крыжанич, называли этот язык *белорусским*. «Простая мова» называлась также *западнорусским наречием*, *руско-польским языком* из-за высокой концентрации в нем полонизмов, а такие ученые, как И. М. Штриттер, С. Б. Линде и Н. И. Греч, смело называли этот язык *наречием польского языка*. Украинские и белорусские исследователи часто называют «простую мову» *староукраинским* или *старобелорусским* языком. Западные исследователи называют этот язык *рутенским* (Ruthenian language).

В своих работах Е. А. Смирнова отмечает, что на развитие и распространение «простой мовы» на территории Великого княжества Литовского повлиял тот факт, что в середине XVI века через Польшу в Литовское княжество стал проникать протестантизм. Исследователь пишет, что, во-первых, в книжной среде стало распространяться критическое отношение к «божественному тексту», во-вторых, среди православной паствы появилось желание иметь полный и точный перевод Библии на родной язык, понятный и доступный. Роль такого языка сыграла «простая мова». К началу XVI века относятся первые немногочисленные попытки перевода Библии на простую мову (перевод Ветхого Завета Франциском Скориной в 1517–1519 гг., рукописное Евангелие первой половины XVI века на церковнославянской основе с единичными малорусскими элементами). Вторая половина XVI века отмечена уже многочисленными переводами священных книг на «простую мову»: это Евангелие Тяпинского (около 1570 г.), Пересопницкое Евангелие (1556–1561 гг.) и его переделанный вариант — Житомирское Евангелие (1571 г.), Летковское Евангелие, перевод В. Негалевским Нового Завета (1581 г.), а также переводы Учительных Евангелий XVI – начала XVII вв.

Ни на современный украинский, ни на современный белорусский языки «простая мова» почти никак не повлияла. Этот язык просуществовал на территории Западной Руси недолго и лишь создал предпосылки для

формирования новых литературных языков на народной основе. Однако на историю русского литературного языка «простая мова» оказала значительное воздействие прежде всего в ходе так называемого «третьего южнославянского влияния», когда во второй половине XVII века книжная традиция Юго-Западной Руси оказала заметное влияние на языковую модель Московской Руси, сформировав уже на великорусской территории похожую неустойчивую ситуацию языкового двуязычия между церковнославянским и русским (старорусским) языком.

Лексика «простой мовы» хорошо отражена в исторических словарях украинского и белорусского языков¹, которые описывают один круг источников, следовательно, не представляют собой разграничения на «украинский» и «белорусский» варианты «простой мовы». Однако незавершенность этих изданий не позволяет рассмотреть и проанализировать полный объем лексем в том или ином памятнике письменности, что представляло трудность и при исследовании языка произведений Вишенского.

1.2. Иоанн Вишенский и его творчество: вопросы исследования

Фигура Иоанна Вишенского привлекает к себе внимание исследователей староукраинской литературы в целом, полемической литературы XVI–XVII вв., «простой мовы» и ее языковой специфики. Обличительный характер произведений И. Вишенского и его внимание к интересам жителей Юго-Западной Руси позволяют некоторым украинским исследователям считать его одним из первых «реалистических» писателей. Сочинения Вишенского впервые были открыты С. М. Соловьевым² в 1858 г. и частично напечатаны Н. И. Костомаровым в 1865 г. Как отмечает

¹ Список используемых в исследовании словарей с выходными данными приведен в параграфе 2.4. главы 2.

² Соловьев С. М. О некоторых рукописях и редких печатных сочинениях XVI и XVII века, относящихся к истории Малороссии // Библиографические записки, 1858. № 9. С. 276-278.

И. П. Еремин, предметом научного исследования произведения И. Вишенского стали только с 70–х гг. XIX в¹.

В научной литературе существует немного работ, посвященных собственно лингвистическому исследованию текста произведений Вишенского. Подробно рассматривалось и описывалось содержание сочинений писателя (например, И. П. Ереминым², Е. Шаблювским³), их композиционное строение и жанровая специфика (литературоведческим аспектом занимались, в частности, Иван Франко⁴, А. И. Белецкий⁵, С. П. Пинчук⁶), их риторическая организация и стилевой состав (П. П. Охрименко, С. М. Шаховский, Е. Шаблювский, Д. Чижевский⁷). Богословско-религиозная и философская позиции писателя исследовали, например, Я. М. Стратий⁸, И. Паславский⁹. Этноконфессиональной

¹ Еремин И. П. Иван Вишенский и его общественно-литературная деятельность // Иван Вишенский. Сочинения / Подг. текста, ст. и ком-и И. П. Еремина. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 265.

² Еремин И. П. Иван Вишенский и его общественно-литературная деятельность // Иван Вишенский. Сочинения / Подг. текста, ст. и ком-и И. П. Еремина. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 223-271.

³ Shabliovsky Y. Ukrainian literature through the ages. Kiev: Mistetstvo Publishers, 1970. P. 15-28.

⁴ Франко І. Иван Вишенський і його твори // Франко І. Зібрання творів у 50 т. К., 1981. Т. 30.

⁵ Білецький О. І. Полемічна література. Иван Вишенський // Білецький О. І. Зібрання творів у 5 томах. К.: Наукова думка, 1965. Т. 1. С. 264-276.

⁶ Пінчук С. П. Иван Вишенський. Літературний портрет. К., 1959.

⁷ Чижевский Д. A History of Ukrainian Literature, From the 11th to the End of the 19th Century. Trans. by D. Ferguson, D. Gorsline, Ulana Petyk. Ed. and Foreword by G. Luckyj. Littleton: Ukrainian Academic Press, 1975. P. 263-274.

⁸ Стратій Я. М. Иван Вишенський і спорідненість його вчення з ідеями Реформації // Нічик В. М., Литвинов В. Д., Стратій Я. М. Гуманістичні і реформаційні ідеї на Україні. К., 1991.

⁹ Паславський І. В.З історії розвитку філософських ідей на Україні в кінці XVI – першій третині XVIII ст. К., 1984.

составляющей посланий Вишенского занималась М. В. Лескинен¹. Сочинения Вишенского переводились на украинский язык².

Иоанн Вишенский часто рассматривается исследователями как «ревнитель православия». Именно поэтому в научной литературе подробно охарактеризована его роль в жизни православной книжности XVI–XVII вв., например, В. П. Петрушко³, в Православной Энциклопедии⁴. В 2016 году Синод Украинской Православной Церкви причислил Иоанна Вишенского к лику святых. Основанием для составления жизнеописания афонского монаха послужило обширное исследование С. В. Шумило⁵ духовного наследия писателя.

Имя Вишенского и сколько-нибудь подробный анализ его творчества присутствует в учебниках по истории русского литературного языка, по истории украинского литературного языка⁶, исторической грамматике украинского языка⁷, в энциклопедиях по истории украинской литературы⁸, в

¹ Лескинен М. В. Этноконфессиональная проблематика в творчестве Ивана Вишенского // Исследования по истории Украины и Белоруссии. Вып.1. М., 1995. С. 18-27.

² Вишенський І. Твори / З книжної української мови перекл. В. Шевчук; передм. і приміт. В. Шевчука. К.: Дніпро, 1986.

³ Петрушко В. П. Православие в Западной Руси после заключения Брестской унии [сайт]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/archiv/zaprusprav.htm> (дата обращения: 20.05.17).

⁴ Иоанн Вишенский // Православная Энциклопедия. Т. XXIII. М., 2011. С. 387-400.

⁵ Шумило С. В. Старец Иоанн Вишенский: афонский подвижник и православный писатель-полемист. Материалы к жизнеописанию «блаженной памяти великого старца Иоанна Вишенского Святогорца». К.: Издательский отдел УПЦ, 2016.

⁶ Русанівський В.М. Історія української літературної мови. Підручник. К.: АртЕк, 2001; Іван Огієнко (Митрополит Іларіон). Історія української літературної мови / Упоряд., авт. іст.-біогр. нарису та приміт. М. С. Тимошик. К.: Наша культура і наука, 2001. (Видавничий проект Фундації імені митрополита Іларіона (Огієнка) "Запізніле вороття").

⁷ Жовтобрюх М. А., Волох О. Т., Самійленко С. П., Слинсько І. І. Історична граматики української мови. Київ: Вища школа, 1980.

⁸ Например, Чижевський Д. І. Історія української літератури (від початків до доби реалізму). Нью-Йорк: Українська Вільна Академія Наук у США, 1956. С. 229-240; Грушевський М. С. Історія української літератури: в 6 т. 2 кн. / Упоряд. В. В. Яременко; авт. передн. П. П. Кононенко; приміт. Л. Ф. Дунаєвської. К.: Либідь, 1993. («Літературні пам'ятки України»). Т. 5.

трудах, посвященных истории Украины¹, а также в научных трудах, посвященных исследованию культурной и языковой ситуации в Юго-Западной Руси XVI–XVII вв.² В этих исследованиях Вишенский упоминается как ярчайший представитель западнорусской полемической литературы рубежа XVI–XVII вв. Подробно рассматриваются содержательная и идеологическая составляющие его произведений, однако меньшее внимание исследователей уделяется конкретным языковым особенностям произведений писателя (примеры из сочинений повторяются, язык характеризуется в целом одинаково). Едва ли не единственное собственно лингвистическое исследование текстов писателя — это монография Бернарда Грошеля, посвященная подробному фонетическому анализу языка его произведений³. В этом исследовании содержится анализ фонетических церковнославянизмов, общеславянизмов, украинизмов и полонизмов, а также приводятся некоторые статистические данные. Примечательно исследование синтаксиса произведений Вишенского в рамках рассмотрения синтаксиса староукраинской полемической литературы⁴.

Творчеством Вишенского и исследованием его общественной позиции занимался И. П. Еремин. Исследователь в своих работах, посвященных описанию фигуры писателя, не обращается к проблеме взаимодействия церковнославянского языка и «простой мовы» и характеризует языковое своеобразие сочинений Вишенского не очень подробно. Рассмотрением языковой позиции Вишенского занимается, в частности, Б. А. Успенский⁵.

¹ Например, Грушевський М. С. Історія України-Руси: в 11 т., 12 кн. / Редкол.: П.С.Сохань (голова) та ін. К.: Наукова думка, 1991. (Пам'ятки іст. думки України). Т. 5; Русская Галиция и «мазепинство». М.: Имперская традиция, 2005. С. 536.

² Успенский Б. А. Раскол и культурный конфликт XVII века // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 341.

³ Gröschel B. Die Sprache Ivan Vyšenskyjs: Untersuchungen und Materialien zur historischen Grammatik des Ukrainischen. Bonn, 1967.

⁴ Сыч В. Ф. Синтаксис украинской полемической литературы конца XVI – начала XVII ст.: автореф. дис. на соиск. ученой степени канд. филол. наук. К., 1960.

⁵ Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв). 3-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 388–408.

Исследованию И. П. Ереминым творчества Вишенского в научной литературе отдают должное, однако ученые настаивают на том, что необходимо осуществить монографическое исследование всех произведений писателя или какого-нибудь одного его сочинения¹.

Несмотря на традиционный подробный тематический и стилистический анализ произведений Вишенского, собственно лингвистическому анализу его сочинений посвящено недостаточное количество работ. Отдельные грамматические особенности употребления существительных в его текстах отмечены в сборниках по лингвостатистическому анализу (например, именного склонения²). Однако в научной литературе мы не найдем исчерпывающего лексико-семантического или лексико-стилистического исследования произведений писателя или какого-нибудь одного его сочинения. Большинство работ, посвященных в той или иной степени лексическому анализу произведений Вишенского, написано на украинском языке.

1.3. Иоанн Вишенский: писатель, полемист, общественный деятель

Иоанн (укр. Іван) Вишенский (укр. Вишенський) по праву считается одним из выдающихся западнорусских (или староукраинских, с точки зрения украинских исследователей) писателей-полемистов XVI–XVII вв., выступавших в своих произведениях за освобождение Западной Руси от власти Речи Посполитой и национальную, культурную и религиозную автономию русского (украинского) народа. Его фигура была широко известна в XVI–XVII веках, его сочинения активно читались на территории Юго-Западной Руси, так как они выражали в художественной форме призыв к

¹ Яременко П. К. Исследование украинской полемично-публицистической литературы конца XVI – начала XVII ст. ст.: доклад о сод-нии опубл. работ, предст. по совок-ти на соиск. ученой степени доктора фил. наук. Киев, 1966. С. 7-8.

² Именное склонение в славянских языках XV-XVI вв. Лингвостатистический анализ / Отв. ред. Н. А. Мещерский, А. С. Герд. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.

национальной борьбе и «будили сознание» украинского народа¹, косвенно настраивая его в будущем на народно-освободительную войну 1648–1654 гг. О жизни И. Вишенского известно немного («про життя Івана Вишенського відомостей небагато»²). Писатель, как отмечает И. П. Еремин, не принадлежал непосредственно ни к «братскому» движению, ни к движению дворянской православной оппозиции, так как, во-первых, большую часть своей жизни Вишенский провел на Афоне, вдали от родины, и был в известной мере оторван от литературной жизни Западной Руси, во-вторых, он занимал особую позицию в литературе, относясь с пристальным вниманием к социальным проблемам «убогой Руси». Несмотря на тот факт, что Вишенский затрагивал в своих сочинениях проблемы языковой и культурной самоидентичности, прежде всего он протестовал против политики Речи Посполитой по отношению к Левобережным землям Западной Руси и ее социального гнета. Вишенский описывал Польшу в своих полемических и вполне агитационных произведениях как «царство диявола-миродержца», заросшее «тернием безверия и безбожия». Тем не менее, автор описывает это «царство» с самых разных сторон, поэтому общая характеристика Речи Посполитой и польского общества представлена с политической, социальной, религиозной, культурной, национальной и языковой точек зрения, что дает полное и красочное изображение «врага» Западной Руси и самого Вишенского.

Писатель родился в середине XVI века в поселении Судовая Вишня (между Львовом и Перемышлем), именно поэтому в своих произведениях он часто называет себя «Иоанном иноком з *Вишнь*». Некоторое время писатель жил в Луцке, затем в конце XVI века переселился на Афон, где принял монашество и затворился в пещере. Причины его эмиграции нам неизвестны. С Афона Вишенский следил за общественной и культурной ситуацией в Юго-

¹ Еремин И. П. Иван Вишенский и его общественно-литературная деятельность // Иван Вишенский. Сочинения / Подг. текста, ст. и ком-и И. П. Еремина. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 226-227.

² Історія української літератури в двох томах. Київ: Вид-во Академії Наук УРСР, 1954. Т. Перший (дожовтнева література). С. 72.

Западной Руси, переписывался со львовским братством, хотя отношения их были непростые. После посещения Львова Вишенский уехал обратно на Афон, разойдясь во взглядах с членами львовского братства, в частности, в вопросах школьного просвещения и борьбы с униатами, а также разочаровавшись в целом в братском движении. Вишенский поддерживал связь с некоторыми деятелями освободительного движения в Юго-Западной Руси, как пишет И. П. Еремин, и именно на Афоне начал писать свои произведения (ранние «Извещение краткое о латинской прелести» (глава 6 «Книжки») и «Писание до всех обще, в Лядской земле живущих» (глава 4), написанные в 90-е гг. XVI в., были отправлены им в Галицию «от святое Афонское горы»). К этому же времени традиционно относят начало деятельности первого поколения полемистов Западной Руси: Герасима Смотрицкого, Стефана Зизания и др.

Наиболее значительные произведения Вишенского были написаны в период с 1597 г. по 1601 г. До нашего времени дошло 16 произведений писателя. Его сочинение, названное им самим «Книжка», было составлено им на Афоне и отправлено в Западную Русь, причем сборник состоял как из написанных до Брестской унии 1596 г.¹, так и из специально созданных для этого сборника произведений², а также посланий князю Острожскому (2 глава) и епископам-рenegатам (5 глава). По возвращении на Афон Вишенский, несмотря на старость и болезни, продолжал литературную деятельность. Около 1609 г. писатель развернул полемику с Петром Скаргой (спор, весьма «ущипливый и доразливый»), а ранее, около 1600-1601 гг., ему был посвящен обширный «Краткословный ответ». В 1614-1615 гг. Вишенский снова стал полемизировать со львовским братством, обвиняя переводчика вышедшей во Львове «Книги о священстве» Иоанна Златоуста в намеренном искажении текста. Кроме того, Вишенский пытался

¹ Это «Писание до всѣх обще, в Лядской земли живущих» и «Извѣщение краткое о латинских прелестех» (4 и 6 главы соответственно).

² Это «Обличение диавола-миродержца», «Порада», «О еретикох», «Загадка философом латинским», «Слѣд краткий», «Новина», ставшие в «Книжке» отдельными главами (главами 1, 3, 7, 8, 9, 10 соответственно).

распространить среди православных христиан Западной Руси при посредстве князя М. Вишневецкого свою «Зачапку мудраго латынника з глупым русином». Дошедшие до нас послания и письма Вишенского отправлялись на родину, к соотечественникам писателя, и создавались скоро и чаще всего не исходя из собственных побуждений, а под влиянием обстоятельств (например, рассказа очевидца о недавних событиях в Галиции или появления нового полемического произведения, написанного идеологическим противником). Вишенский хорошо понимал агитационный характер своих сочинений, бережно относился к их прочтению своими современниками и всячески старался распространить их на территории Западной Руси. Например, в первом предисловии к «Книжке» писатель дал рекомендации к прочтению своего сочинения («О чину прочитания сего писания»): читать нужно быстро, не повторяясь и не останавливаясь на одной речи два или три раза, не задерживаясь слишком на запятых, но отдыхая на точках, «паче же где бы ся речение разумѣния кончило, там духови да почивает, отдыхает и постоючивает», чтобы чтение было понятно простым людям.¹ Вишенский призывает читать свою «Книжку» в особых «братских» собраниях по утрам, «поранок поранками проходячи». Неизвестно, насколько к советам автора прислушивались, однако произведения его читали и переписывали, хотя Вишенский был популярен лишь в своих кругах, среди людей, сочувствующих его взглядам и настроенным оппозиционно по отношению к польской шляхте и униатам. В «братских» и шляхетских кругах он считался «грубым», слишком страстным и резким в обличении пороков общества, а язык его — неискusstным, «некунштoвным». Имя Вишенского ни разу не упоминается в памятниках современной ему «братской» литературы при перечислении крупнейших православных писателей-полемистов рубежа XVI-XVII вв. Членов братств (в частности, львовского) задевало и намеренное нежелание Вишенского примкнуть к их кругу, и, возможно, излишнее, на их выдержанный и «ученый» взгляд, внимание автора к проблемам простых

¹ Иван Вишенский. Сочинения / Подг. текста, ст. и ком-и И. П. Еремина. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 9.

людей, желание его говорить с ними на одном языке и оправдывать их необразованность «христианской чистотой»¹, хотя первоначально братства, в частности львовское, приглашали Вишенского к сотрудничеству и вели активную переписку с ним. Еремин предполагает, что сочинения Вишенского могли принадлежать к числу так называемых «*pisn uszczypliwych*», то есть «опасных, злоречивых» произведений, распространение которых на территории Речи Посполитой и Западной Руси не приветствовалось². С. М. Шаховский поддерживает эту точку зрения, утверждая, что произведения Вишенского не могли быть напечатаны в свое время³. Однако Вишенский пользовался своим удаленным от Западной Руси положением на Афоне и мог позволить себе высмеивать польскую шляхту резко и открыто, не прибегая ни к какой дипломатии и не боясь, что ему могут «затворить язык», хотя в своих сочинениях он объяснял такой способ излагать свою позицию не территориальной удаленностью от Галиции, а стремлением показать правду. В ближайший круг общения Вишенского входили такие писатели-полемисты и культурные деятели Западной Руси, как Иов Княгиницкий, старец Афанасий. В состав братского движения он так и не вошел, разойдясь с членами братства во взглядах на школьное образование, разочаровавшись в их «роскошном» образе жизни и отсутствии единства между ними. Утопический призыв Вишенского уйти в «пустыню», покинуть Западную Русь не мог быть принят городскими жителями и членами братств, он не отвечал требованиям времени и на рубеже XVI-XVII вв. не мог быть рассмотрен как один из возможных способов борьбы с Речью Посполитой. Вишенский не соглашался даже на временный компромисс и максималистски

¹ «Занеже сам не учился, того ради и нам завидит и возбраняет» — так нелестно отзывался о Вишенском некто «казнодѣя волынский» Виталий, упоминающийся Захарием Копыстенским в «Палинодии» как «учитель и любомудрец».

² Еремин И. П. Иван Вишенский и его общественно-литературная деятельность // Иван Вишенский. Сочинения / Подг. текста, ст. и ком-и И. П. Еремина. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 233.

³ Шаховский С. М. История украинской литературы (краткий очерк). / Под общей ред. А. И. Белецкого. Вып. первый Киев: Радянська школа, 1950. С. 57.

отказывался принимать действительность и бороться с противником результативными методами.

В своих произведениях Вишенский выступал против угнетения польскими светскими и духовными лицами своих соотечественников (православных крестьян), обличал «дворское злое житие», высмеивал епископов, которые приняли духовный сан, будучи ранее «каштеляны, дворяны, курцияны, купцами», чтобы упрочить свое материальное положение. Писатель доказывал, что все люди — и паны, и «хлопы» — просты, равны перед Богом, указывая на пример Христа, избравшего местом своего рождения не «палац», а убогий «вертеп»¹. С особенной неприязнью Вишенский относился к польскому королю: в «Обличении дьявола-миродержца» писатель упоминает в числе благ, которыми дьявол соблазняет «голяка-странника», и королевский титул.

И. П. Еремин предполагает, что упоминание каштелянского титула среди многочисленных других искусительных чинов в «Послании до всѣх обще, в Лядской земли живущих» — это намек на Ипатия Потия, епископа владимирского и брестского, который до пострижения, действительно, был брестским каштеляном (сенатором). «Потейская ересь» рассматривается не только Вишенским, но и, например, старцем Леонтием, иеродиаконом Печерского монастыря, полемический трактат которого, написанный в 1608 году, находится в ленинградском списке собр. Толстого сразу после десятой главы «Книжки» («Се же на туюж Потейскую ересь другия книжки — Леонтия еродиякона Печерскаго монастыря киевскаго. Правовѣрнии, внимайте словесем сим, паче же духовнии!»).

Вишенский боролся с римско-католической церковью и иезуитами, полагая, что целью Ватикана является полное истребление «русского» народа и Речь Посполитая тесно сотрудничает с папой римским, преследуя ту же цель. Писатель противопоставлял «ученой» богословской полемике противников свою «простую», «неученую» критику живых носителей католической веры; его богословская аргументация была скромна, однако неопровержимые доводы бытового характера ставили в невыигрышное

¹ Еремин И. П. Иван Вишенский и его общественно-литературная деятельность // Иван Вишенский. Сочинения / Подг. текста, ст. и ком-и И. П. Еремина. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 239.

положение всех католических духовных лиц вне зависимости от сана. Компрометирующие факты личной биографии католиков и униатов Вишенский умело использовал в качестве своей аргументации, видимо, понимая, что он недостаточно силен в экзегетике, особенно в свое время и среди других образованных писателей-полемистов и членов братств, которые в начале XVII века уже умели дискутировать с католическими богословами практически на равных. Во многом наивное и буквальное толкование писателем цитат из Евангелия или Посланий апостолов в сочетании с импульсивностью подачи материала, его бытовой правдивостью и нередко гиперболизацией (в художественных целях) оказывало и оказывает до сих пор сильное воздействие на читателя, который, по задумке автора, оказывается буквально сражен правдивыми подробностями из жизни католиков, которые Вишенский все же дает, несколько «сгущая краски». В XVI – первой половине XVII вв. Афон находился под властью Османской империи, монастыри были лишены своих владений вне Святой Горы, беднели, однако все же оставались центрами духовной и общественной жизни. Возможно, Вишенский не мог в должной мере воспользоваться библиотеками на Афоне и получить полноценное богословское образование, а оторванность его от просвещенной Западной Руси, консерватизм и временный упадок жизни и книжной культуры на Афоне, пребывание в пещере и личная неприязнь писателя к «учености» в любом виде оказались решающими факторами, которые повлияли на формирование его писательского стиля и идеологии.

Вишенский всегда подчеркивал, что любой «латинник» — это «пан», а Ватикан — это оплот и католицизма, и феодализма. В этом состоит своеобразие полемической позиции Вишенского, который, выражая представления «простых людей», объединял в лице врага и религиозного, и социального противника, изображая «абсолютное зло», наделенное всеми возможными пороками. Вишенский не признавал никакого возможного компромисса между православной и католической церковью после

«згоды» (Брестской унии) и категорически не поддерживал никакого примирения с действительностью. Члены братств и другие писатели-полемисты также обличали православных духовных деятелей, принявших унию, однако их претензия состояла в том, что униаты провели «закулисную интригу» и не организовали всеобщего гласного обсуждения, в то время как Вишенский обличал их «панский» образ жизни, то есть ограничился лишь социальным аспектом, который для братской литературы был второстепенным. «Демократизм» Вишенского, его категорическая позиция и стремление объединить своих соотечественников в едином неприятии польского и униатского уклада жизни делали его фигуру весьма популярной в среде простого народа.

Отрицательно относился Вишенский и к системе образования и просвещения на территории Польши. Оценивая только начавшие возникать иезуитские коллегии и гимназиумы (с 70-х гг. XVI в.) и, возможно, представляя себе специфику получаемого там образования лишь понаслышке, писатель занял в высшей степени консервативную позицию — даже князь А. М. Курбский и брацлавский каштелян Василий Загоровский не отрицали полезности изучения наук «латинского письма». Объявив иезуитский курс «наук свободных» «брѣдней», с особенным неприятием Вишенский относился к риторике, диалектике и схоластической философии («поганским наукам»), однако признавал полезность изучения грамматики греческого и славянского языков (ранее Вишенский, естественно, не одобрял изучение латинского языка в коллегиях и, шире, грамматики в целом, однако после полемики со львовским братством смягчил свою позицию). Писателя интересовало не количество основанных школ, а их качество и прежде всего «за спасение ли костел латынский и тѣ школы и науки во своем послушенствѣ». Вишенский советовал своим соотечественникам оставить «все диалектики, силогизмы и вывроты препирательные и велерѣчия самохвалныя», не поддаваться влиянию латино-польской католической

культуры и сохранять свою национальную идентичность и православную веру как символ этой борьбы.

1.4. Языковая позиция Иоанна Вишенского

Язык произведений Вишенского представляет собой разнотилевое и разнородное по генетическому составу образование, состоящее из элементов «простой мовы» и родственных ей украинских и белорусских диалектов, русизмов, собственно полонизмов, заимствований из греческого и латинского языков, а также из общеславянской лексики и церковнославянизмов. Использование писателем конкретных языковых средств объясняется контекстом, тематикой изображаемого и авторскими установками Вишенского, описанными выше. При первом взгляде на текст сочинений исследователю может справедливо показаться, что Вишенский писал на «простой мове». При более пристальном рассмотрении материала, однако, окажется, что язык его представляет собой еще более разнородное по составу явление, чем «простая мова», что объясняется его писательской позицией, культурно-образовательной основой и стремлением к «простоте», а значит, доступности изображаемого материала, допускающей использование просторечной лексики.

Вишенский выступал за использование и сохранение церковнославянского языка, противопоставляя его одновременно и латыни, и «простому языку». И. П. Еремин пишет о том, что Вишенский хорошо понимал ценность этого языка и считал его символом русского народа, проживавшего на территории Юго-Западной Руси, и всех восточных славян. Распространенность такой позиции в среде писателей-полемистов XVI–XVII вв. подтверждается Н. И. Толстым¹. Писатель призывал соотечественников сохранять свою национальную и культурную независимость и, прежде всего, тщательно изучать славянский язык, чтобы

¹ Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М.: Наука, 1988. С. 62-63.

избежать влияния латинского языка и польской католической культуры. Цель просвещения, по его мнению, — это в первую очередь моральное «очищение» и опора на местные культурные традиции, при отсутствии которых образование не имеет смысла, так как будет основано на «дьявольских» началах. Изучение «русской» истории, по мнению Вишенского, также должно сопрягаться с благочестием и духовным самосовершенствованием. В отношении языка Вишенский полемизировал с Петром Скаргой, который полагал, что «на славянском языке никто ученым быть не может»¹. Однако церковнославянский язык, который Вишенский называл «плодоноснѣйшим от всѣх языков и богу любимшим», был ценен для писателя в силу своей древности, использовался в православном богослужении и объединял всех восточных славян, являясь, в частности, символом близкого родства «Малой Росии» (Юго-Западной Руси) и «Великой Росии»². Мы видим здесь противостояние латыни и церковнославянского языка, продиктованное причинами политического, культурного и религиозного характера.

Кроме того, славянский язык в известной мере противопоставлялся Вишенским «простому языку». Писатель разделял сферы их употребления, не смешивая их функции, но сочетая использование церковнославянизмов, общеславянизмов и элементов «простой мовы» в одном контексте, при помощи которого он создавал в художественных целях контрастный образ, нужный ему для изображения жизни шляхтичей и епископов. «Простая мова», как пишет Б. А. Успенский, выступала в сознании ее носителей и в устной речи аналогом церковнославянского языка. Занимая выгодное положение литературного языка, который обогащался из разных (письменных, устных, деловых, диалектных) источников, «простая мова»

¹ Полемика о статусе и роли церковнославянского языка между Вишенским и П. Скаргой отражена в двух их произведениях: «O rządzie u iedności kościoła bożego pod iednym pasterzem u o Greckim u Ruskim od tey iedności odstąpieniu» (2-е издание, Краков, 1590) и «Краткословном ответе Петру Скарге» (1600-1601 гг.).

² Еремин И. П. Иван Вишенский и его общественно-литературная деятельность // Иван Вишенский. Сочинения / Подг. текста, ст. и ком-и И. П. Еремينا. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 251.

вытесняла церковнославянский язык из богослужебного употребления. Как раз против этого и выступал Вишенский: «Евангелиа и Апостола в церкви на литургии простым языком не выворочайте; по литургии ж для зрозуменя людского попросту толкуйте и выкладайте. Книги церковные всѣ и уставы словенским языком друкуйте»¹. Иначе говоря, в богослужении, по мнению писателя, необходимо использовать церковнославянский («священный») язык, а при толковании священных текстов и в бытовых ситуациях следует говорить «попросту» (на «простой мове»). Мы видим, что Вишенский был сторонником «традиционного» употребления церковнославянского языка и разделения функций обоих литературных языков на территории Юго-Западной Руси; он не поддерживал языковые эксперименты, не стремился сделать доступным для обычных людей не только толкование священных книг, но и само богослужение, что объясняется пониманием Вишенским природы обоих языков и сакральной функции церковнославянского языка. Благодаря такому функциональному разграничению двух литературных языков стало возможным появление сатиры и иногда даже иронии как риторических приемов в тексте его сочинений. Естественно, соответствующие контексты, как мы видим в тексте «Книжки», заметно различаются в стилистическом отношении.

Жанровое своеобразие «Книжки» и ее полемический, а значит, доступный для ее читателей характер предполагают использование «простого языка». Несмотря на тот факт, что Вишенский признает церковнославянский язык образцовым («Тако да знаете, як словенский язык перед богом честнѣйший ест и от еллинскаго и латинскаго. Се же не басни сут»²), старается закрепить за ним статус «высокого языка», сознательно разделяя соответствующие «высокие» и «бытовые» контексты, язык его сочинений понятен, ироничен и прост. Использование живого разговорного языка

¹ Иван Вишенский. Сочинения / Подг. текста, ст. и ком-и И. П. Еремина. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 23.

² Иван Вишенский. Сочинения / Подг. текста, ст. и ком-и И. П. Еремина. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 24.

Вишенским вполне оправдано: по мнению автора, писать нужно «просто, без баснословия» и «риторского ухищрения». «Блаженная простота» в противопоставлении «светской мудрости» — такова его теоретическая установка, которая позволяет предположить, например, Еремину¹, что Вишенский принадлежал не латинско-польской, а славяно-русской литературной традиции. Противопоставление «хитрости» и «простоты» было в общем контексте того времени: такая точка зрения была распространена и в среде московских книжников. «Простотой» оправдывается использование писателем пословиц и поговорок, фразеологизмов, грубоватых и даже бранных выражений. Вишенский нередко использует в своих сочинениях фольклорные мотивы, обращаясь к басням, народным легендам, преданиям, анекдотам, а также к народным версиям библейских апокрифов, отрицая, однако, языческие праздники и обряды (празднование Купалы, пение колядок и щедровок²). Просторечная лексика употребляется Вишенским не в целях фольклорной стилизации, а в целях более точного и доступного выражения своей мысли³. Таким образом, мы видим, что кажущегося противоречия между теоретической позицией писателя и практическим использованием «простой мовы» в сочинениях нет. «Вольность» Вишенского в обращении с церковнославянским языком при более пристальном рассмотрении оказывается лишь удачным использованием в одном и том же контексте различных пластов лексики.

¹ Еремин И. П. Иван Вишенский и его общественно-литературная деятельность // Иван Вишенский. Сочинения / Подг. текста, ст. и ком-и И. П. Еремина. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 265.

² Грицай М. С. Народное поэтическое творчество и развитие жанров древней украинской литературы (XVII-XVIII ст.): автореф. дис. на соиск. ученой степени доктора фил. наук. Киев, 1970. С. 15-16.

³ Еремин предполагает, что таким использованием метких выражений Вишенский предвосхитил проведение реформы украинского литературного языка, которая была начата на рубеже XVIII-XIX вв. И. П. Котляревским и завершена в середине XIX в. Т. Г. Шевченко.

Основные лингвистические идеи Вишенского были сформулированы А. М. Камчатновым¹, который развил некоторые положения Б. А. Успенского и прокомментировал особенности языкового сознания писателя:

1. славянский язык обладает спасающей и освящающей силой;
2. в славянском языке хранится «наука» богоугодной жизни и искусство святости;
3. славянский язык «ест плодоноснѣйший от всѣх языков и богу любимший: понеж без поганских хитростей и руководств, се ж ест кграмастик, рыторык, диалектик и прочих коварств тщеславных, дьявола вѣмѣстных, простым прилежным чтанием, без всякого ухищрения, к богу приводит, простоту и смирение будует и духа святого подемллет»²;
4. славянский язык есть язык премудрости Божьей и потому превосходит и латинский, и греческий языки — языки мудрости языческой и человеческой;
5. славянский язык ненавидим дьяволом (а любит он, наоборот, латинский язык: «а твоего латынского языка вседушне диявол любит»³);
6. славянский язык не любят те, кто одержим нечистым духом.

Особенность взглядов Вишенского на славянский язык, по мнению Камчатнова, состоит в том, что язык для него — это не система условных знаков, а символ соединения человеческого и божественного бытия. Божественное начало настолько сильно и полно выражено в церковнославянском языке, что, как полагал Вишенский, не человек говорит с Богом, а сам Бог говорит с человеком через этот язык. Будучи тесно связанным с православным богослужением, церковнославянский язык

¹ Камчатнов А. М. Страница из истории борьбы за церковнославянский язык // Ежегодная богословская конференция православного Свято-Тихоновского богословского института. М., 1997.

² Иван Вишенский. Сочинения / Подг. текста, ст. и ком-и И. П. Еремина. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 23.

³ Иван Вишенский. Сочинения / Подг. текста, ст. и ком-и И. П. Еремина. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 194.

приводит человека к Богу через простое чтение, без дополнительных усилий, причем полное понимание священного текста для человека необязательно. Вишенский не признает активного владения церковнославянским языком (на это обращал внимание и Еремин), для него достаточно и пассивного его владения, чтобы приобщиться к Богу. Бог свят, поэтому и славянский язык как «инобытие божественной сущности», как полагает Камчатнов, наполнен святостью. Это традиционный взгляд на церковнославянский язык, распространенный в среде книжников и восходящий к кирилло-мефодиевской традиции. По этой же причине для Вишенского нет дистанции между словом и делом: тот, кто читает по-славянски, должен и жить «по-славянски» — по заповедям Божьим. В греческом и латинском языках же, кроме божественной сущности, присутствует также и «человеческая» сущность, следствием чего, по мнению Вишенского, является отпадение от Бога «еллинов и латынян» и их последователей. Камчатнов обращает внимание на то, что языковой радикализм Вишенского не позволяет ему осознать тот факт, что, во-первых, греческий язык — это также язык Евангелий и Апостола и, во-вторых, в церковнославянском языке также есть своя «человеческая» составляющая. Тем не менее, «еллинский» язык для Вишенского — это сугубо риторическая и диалектичная сущность, «поганская мудрость».

По мнению Б. А. Успенского, высказывания Вишенского вписываются в великорусскую концепцию восприятия церковнославянского языка, несмотря на то, что писатель был родом из Юго-Западной Руси. Как и большинство московских книжников, Вишенский противопоставляет церковнославянский язык не только латинскому, но и греческому языку. Успенский полагает, что подобная позиция восходит к мнению черноризца Храбра, высказанному им в сказании «О писменех»: церковнославянский язык «святее» греческого в силу того, что греческий язык был создан язычниками, а церковнославянский — святыми Кириллом и Мефодием. Символическое значение церковнославянского языка и «традиционная»

позиция Вишенского не позволяли ему кощунственно «играть» с ним и использовать этот язык в «низком» контексте, поэтому разграничение церковнославянского и «русского» языков в книжных и бытовых контекстах соответственно проведено автором последовательно на всем протяжении «Книжки».

1.5. Краткий археографический комментарий к «Книжке» Иоанна Вишенского

«Книжка» Иоанна Вишенского рассматривается в научной литературе в плане исторической преемственности: считается, что она была составлена по образцу вышедшей в 1598 году в Остроге «Книжицы»¹ — сборника из переводных (с греческого языка) и оригинальных текстов (8 посланий александрийского патриарха Мелетия, соборного послания князя К. К. Острожского и анонимного (Иоанна Вишенского) послания «всѣм христианом православным, от святое Афонское горы скитствующим»), а уже по подобию «Книжки» Вишенского, как осторожно предполагает Д. С. Менделеева², протопоп Аввакум мог создать свою «Книгу бесед». «Книжка», как убедительно доказывает Еремин, была написана в период с 1599 по 1601 гг.³, и в нее Вишенский включил как произведения, написанные им до принятия Брестской унии в 1596 году, так и сочинения, как кажется, специально написанные им для сборника. Вероятно, «Книжка» была отправлена с Афона львовскому братству (с пожеланием чтения ее на «соборах братских»), причем Вишенский, по всей видимости, предназначал

¹ Впервые указал на это М. С. Возняк, обращая внимание на структурное сходство «Книжки» и «Книжицы»: 10 глав и наличие предисловия и оглавления (Возняк М. Історія української літератури. Львів, 1921. Т. II. С. 154).

² Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 12 / Ин-т мировой литературы РАН; Об-во исследователей Древней Руси; Отв. ред. Д. С. Менделеева. М.: Знак, 2005. (Studia Philologica) С. 269.

³ Иван Вишенский. Сочинения / Подг. текста, ст. и ком-и И. П. Еремина. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 292.

ее для печати, графически оформив предисловия, вирши и создав, в ряде случаев искусственно, деление на главы (например, главы 8 и 9, которые содержательно тесно связаны друг с другом). Однако «Книжка» не была издана, во-первых, в силу недостатка средств у львовского братства, во-вторых, ввиду несоответствия взглядов Вишенского некоторым убеждениям членов братства, в-третьих, из-за боязни повторить судьбу издателей «Фриноса» Мелетия Смотрицкого¹, как пишет Еремин.

Текст сочинений Вишенского дошел до нас в составе пяти списков, не равноценных по качеству текста и времени своего написания, как отмечает Еремин. По своему составу все списки делятся на две группы:

1. львовский список XVII в. и ленинградский список нач. XVIII в. (восходят к общему протографу, взаимно дополняя друг друга);

2. все остальные списки (поздние, XIX в.: московский собр. Уварова, ленинградский собр. Титова, саратовский собр. Мальцева).

Именно львовский список (рукопись Львовской национальной научной библиотеки им. В. Стефаника НАН Украины (бывшей Львовской библиотеки Академии наук УССР) (Коллекция монастырских рукописей, №3, лл. 199-305 об.), мелкий полуустав и в конце рукописи скоропись XVII в. и список собр. Толстого (рукопись РНБ, собр. Толстого Q. I .243, полуустав начала XVIII в., лл. 117-165 об.) легли в основу издания «Книжки» Ереминым, в львовской рукописи озаглавленной «Книжка Иоанна мниха Вишенского...» (почерк XVIII в. на л. 198 об.). Львовская рукопись составлена из рукописных и печатных тетрадей, механически соединенных при переплете в один сборник. «Книжка» Вишенского, по мнению И. Франко, была переплетена с другими тетрадями сборника не ранее второй половины XVIII в. и еще в 1731 году представляла собой отдельное произведение.²

¹ По двум королевским приказам 1610 г. на территории Великого княжества Литовского было запрещено продавать и покупать эту «злослычную» книгу, имевшиеся на руках экземпляры было предписано сжечь, типографию Виленского братства, в которой был напечатан «Фринос», — отобрать, а издателя и автора — посадить в тюрьму.

² Мирон (И. Франко). Иоанн Вишенский (Новые данные для оценки его литературной и общественной деятельности) // Киевская старина. Киев, 1889. № 4. Приложения (С. 21-23).

«Книжка» в львовском списке дошла до нас в дефектном виде: утрачены конец рукописи и, видимо, несколько листов при переплете, некоторые буквы и слова стерлись, первый и последний листы рукописи истлели по краям. Само произведение обрывается пятой главой («Обличает вас на земли, яко вы правдѣ сопротивници»), таким образом, в львовском списке содержатся только первые пять глав «Книжки» и авторские предисловия. В списке «Книжки» собр. Толстого, наоборот, читаются остальные главы (с 6 по 10). Последняя глава «Книжки» заканчивается примечанием писца рукописи или ее протографа («До zde книжки Вышенского Иоанна мниха», л. 165 об.).

Львовский список лучше передает текст автографа «Книжки», в ленинградском списке, напротив, лексемы нередко приводятся в «нейтральном» общеславянском виде, частотны случаи перевода некоторых слов на русский язык и неверного осмысления непонятых или неразобранных слов оригинала. Во всех остальных списках наряду лишь с двумя предисловиями и первыми пятью главами «Книжки» содержатся и другие произведения Вишенского, не вошедшие в сборник и опубликованные Ереминым в издании отдельно. В этих списках сочинения Вишенского следуют за полемическим трактатом 20-х годов XVII в. — «Книгой о правдивой единости» З. Копыстенского¹. Типичным по своей структуре среди поздних списков является московский список собр. Уварова, который характеризуется последовательным искажением текста и частыми случаями неверного осмысления непонятых и неразобранных слов и словосочетаний, кроме того, нередки в этом списке и случаи прямого перевода лексем с западнорусского (староукраинского) оригинала на русский язык. Список собр. Уварова не выдерживает никакого сравнения ни с ленинградским списком, ни тем более со львовским.

Ленинградский список собр. Титова и саратовский список собр. Мальцева указывают на определенное распространение сочинений Вишенского в России; они идентичны по составу (здесь содержится три

¹ Иван Вишенский. Сочинения / Подг. текста, ст. и ком-и И. П. Еремина. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 274.

послания, вторая и третья (без конца) главы «Книжки») и восходят к тому же сборнику сочинений Вишенского, который представлен московским списком собр. Уварова, как указывает Еремин. Составитель их общего протографа, как предполагается, переписал лишь вторую и третью главы «Книжки» наравне с другими произведениями Вишенского. Московский, ленинградский собр. Титова и саратовский списки бесполезны при издании «Книжки», так как львовский и ленинградский собр. Толстого списки дошли до нас в отличном (относительно поздних списков) и полном состоянии.

Еремин издает «Книжку» Вишенского впервые по лучшим и древнейшим спискам — львовскому списку (вступление, оглавление, оба предисловия («О чину прочитания сего писания» и «К прочитателю наединѣ сего писаня»), главы 1-5) и ленинградскому списку (главы 6-10). Пропуски текста в львовском списке восполнены по ленинградскому списку собр. Толстого и по московскому списку собр. Уварова. Смысловые разночтения по спискам фиксируются Ереминым в специальном разделе.¹ Таким образом, при анализе лексем необходимо учитывать тот факт, что первая половина текста «Книжки» будет содержать больше украинизмов и простомовных элементов, чем вторая, русифицированная, а в некоторых случаях даже славянизированная.

Издание текстов Вишенского осуществлено в упрощенной орфографии. Здесь приняты следующие правила: зв

1. тексты печатаются с соблюдением всех особенностей орфографии рукописного оригинала;
2. титла раскрываются;
3. все выносные буквы вводятся в строку;
4. буква ъ не воспроизводится в конце слов и в середине слов типа *миръский, фарьбами, иновѣрца, философьского, книжьного* и др.;
5. *юс малый* и *а йотированное* заменяются буквой *я*;
6. *і* и *ї* заменяются буквой *и*;

¹ Там же. С. 281-291.

7. юс *большой*, *оу* и *Ѹ* заменяются буквой *у*;

8. *омега* заменяется буквой *о*, *фита* — буквой *ф*; *пси* — буквами *пс*; *ижица* — буквами *в* или *и*, в зависимости от слова;

9. буква *ѣ* везде сохранена, так как она могла произноситься в соответствии с западнорусским (староукраинским) произношением не только как *е*, но и как *и*;

10. в издании принята современная пунктуация¹.

Текст «Книжки» Вишенского печатается в исправленном виде (соответствующие оговорки вносятся в разночтения), в частности, на основе материала других списков. Выделенные в рукописи круглыми скобками слова и предложения воспроизводятся так же в скобках. Соответствующим шрифтом отмечаются все слова и подзаголовки, которые в рукописи были написаны киноварью или прописными буквами.

¹ Используются примеры Еремина: Иван Вишенский. Сочинения / Подг. текста, ст. и ком-и И. П. Еремина. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 279.

Глава 2. Имена существительные в «Книжке» Иоанна Вишенского: функционирование и специфика

2.1. Обоснование выбора глав «Книжки» для анализа

«Книжка» Иоанна Вишенского представляет собой сборник, составленный самим автором из предисловий («вводных» глав) и 10 глав разного времени написания и жанровой специфики. Для лексического анализа нами были выбраны авторские предисловия¹ и главы 1, 2, 3, 4, 7, 8, 9 и не были выбраны главы 5, 6 и 10 «Книжки» по следующим причинам.

Во-первых, выбранные главы, без сомнения, являются авторскими и не содержат значительных вставок неоригинального текста. Это убедительно доказал И. П. Еремин и изложил в «Комментариях» к изданию сочинения Вишенского, которым мы пользуемся. Таким образом, при анализе лексики сохранена однородность рассматриваемого материала, что позволяет в полной мере грамотно охарактеризовать окказионализмы и авторский стиль Вишенского.

Во-вторых, отдельные сочинения, ставшие позже главами «Книжки», были написаны Вишенским как до принятия Брестской унии (1596 г.), так и после него, то есть в состав сборника вошли и ранние произведения Вишенского, и зрелые, написанные им, как кажется, специально для «Книжки» как отклик на историческое событие конца XVI века. Авторские предисловия (1599-1601 гг.), главы 1 («Обличение диавола-миродержца», 1599-1600 гг.), 2 (Послание князю Острожскому, 1599 г.), 3 («Порада», рубеж XVI-XVII вв.), 4 («Писание до всѣх обще, в Лядской земли живущих», до 1596 г.), 7 («О еретикох», 1599-1600 гг.), 8 и 9 («Загадка философом латинским» и «Слѣд краткий», 1599-1600 гг.), как видно, были созданы почти в одно время, за исключением главы 4. Определяющим для нас стал принцип рассмотрения исключительно оригинального текста, поэтому глава 4

¹ Это предисловие к «Книжке», «Оглавление писанного в Книжце... Краткословие» и вступительные главы «О чину прочитания сего писания» и «Ко прочитателю наединѣ сего писаня».

учитывается нами наравне с другими главами, несмотря на то, что ее содержание прямо не связано с историческими событиями конца XVI века. Кроме того, рассмотрение лексики в главе 4 и нерассмотрение ее еще в одном раннем сочинении Вишенского («Извѣщени кратком о латинских прелестех», главе 6), содержащем неоригинальные элементы текста, позволило нам выдержать принцип однородности рассматриваемого материала и исследовать наравне со зрелыми произведениями автора и одно раннее его

В-третьих, каждая глава «Книжки» имеет свою жанровую специфику, поэтому рассмотрение лексики и ее функционирования в разных жанрах, тем не менее объединенных общей полемической направленностью, дало нам редкую возможность провести многосторонний лексический анализ в пределах одного сочинения Вишенского.

В-четвертых, глава 5 («Писание к утекшим от православное вѣры епископом» или Послание епископам-рenegатам, 1598 г.) имеет непростую историю написания. Существует две ее редакции: краткая, опубликованная до составления «Книжки» отдельно, и пространная, вошедшая позже в состав сборника и ставшая одной из его глав. Краткая редакция (1597 г.) дошла до нас только в составе «Книжицы» 1598 г., изданной в Остроге, где она была напечатана анонимно как послание «от святое Афонское горы скитствующих»¹. Этот текст был подвергнут основательной правке редактором острожской «Книжицы» перед публикацией: язык сильно славянизирован, по предположению Еремина, содержание также могло быть отредактировано. Пространная редакция (глава 5) — это результат коренной переработки Вишенским краткой редакции, сочинение неоднородного состава: здесь имеется значительная вставка — переписанное Вишенским из неизвестного источника или переработанное им чужое произведение неизвестного автора («история пристыя латинского до Святое горы, дѣв и

¹ Полный текст краткой редакции опубликован И. П. Ереминым в приложении к выбранному нами изданию сочинений Вишенского («Материалы для истории текста послания Ивана Вишенского «К утекшим от православное вѣры епископом»», с. 329-332) по экземпляру острожской «Книжицы», хранящемуся в РНБ (I.7, №186, глава 10).

плодов их, которые овде починили». Поскольку оно органично вписано в текст пятой главы и представляет собой неразрывное текстологическое единство с основной частью главы, анализировать отдельно оригинальное сочинение Вишенского и неоригинальную вставку представляется трудным.

В-пятых, «Извѣщение краткое о латинских прелестех» (между 1588 и 1596 гг.¹), ставшее потом шестой главой «Книжки», было написано Вишенским до принятия Брестской унии как отклик на притеснение православного населения и репрессии 80 – 90-х годов XVI века, которыми католики хотели заставить православных признать реформу календаря, проведенную в 1582 году папой римским Григорием XIII. Автор включил его в состав «Книжки» по той причине, что в целом это сочинение также посвящено обличению католичества, однако с унией оно не связано, так как центральным в «Извѣщении» является «календарный» вопрос. Мы не рассматриваем лексемы в главе 6, потому что это сочинение было написано Вишенским под влиянием внимательного чтения полемического трактата Василия «О единой истинной православной вѣрѣ», о чем свидетельствует использование писателем некоторых полемических аргументов Василия и даже отдельных стилистических оборотов из его текста. Соответственно, полностью «самостоятельным» и оригинальным признать «Извѣщение» Вишенского мы не можем.

В-шестых, глава 10 («Новина, или Вѣст, о обрѣтении тѣла убитаго Варлаама, архиепископа охридскаго, во градѣ Велисѣ за истинну пострадавшего и в рѣку, завоюю Вардар, вверженнаго», 1599 или 1600 г.) представляет собой неоригинальное сочинение, повесть, выписанную наскоро Вишенским из какого-то другого произведения или сборника болгарского происхождения, как убедительно доказал И. П. Еремин, при подготовке «Книжки» или даже непосредственно перед отправлением ее в Галицию, чтобы была выдержана десятичастная структура сборника. Текст

¹ Правильную датировку в свое время установил П. И. Житецкий (Житецкий П. И. Литературная деятельность Иоанна Вишенского // Киевская старина. Киев, 1890. №6. С. 498, 504), с чем соглашается и Еремин.

«Новины» славянизирован и содержит некоторые болгаризмы (примеры приведены Ереминым в комментарии к главе 10¹). Анализ лексем из этой главы для настоящего исследования не представляется значимым и не проводится по понятным причинам.

Таким образом, для лексического анализа нами были выбраны имена существительные только из оригинальных глав «Книжки», написанных на рубеже XVI-XVII вв. (за исключением главы 4), которые не содержат значительных вставок из других произведений и различаются в жанровом отношении.

2.2. Жанровое своеобразие глав «Книжки»

Выбранные для анализа главы «Книжки» написаны в разных жанрах, но объединены общим полемическим характером.

Глава 1 («Обличение диавола-миродержца»), по мнению Еремина и А. Е. Крымского², является программной главой «Книжки» и была написана автором специально для сборника как «вступительная» глава. Здесь используется характерная для произведений Вишенского диалогическая форма повествования (вопросо-ответная форма). «Обличение» представляет собой вариацию известного библейского сюжета — искушения Христа сатаной в пустыне³: дьявол разговаривает с «голяком-странником» и искушает его различными земными благами, призывая его поклониться ему и перейти на сторону «князя тьмы»; отвечая, «простак» обличает сатану и отказывается от всех предлагаемых благ. Обширное перечисление

¹ Иван Вишенский. Сочинения / Подг. текста, ст. и ком-и И. П. Еремина. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 312.

² Крымский А. Е. Иоанн Вышенский, его жизнь и сочинения // Киевская старина. Киев, 1895. №10. С. 11, 42.

³ Вишенский не скрывал прямой зависимости содержания «Обличения» от евангельского сюжета: сцена искушения Христа, описанная в Евангелии от Матфея (IV, 8-10), приведена автором в качестве эпиграфа к главе.

«искушений», которыми соблазняет «голяка-странника» «диавол-миродержец», имеет острый полемический характер: здесь перечислены светские и духовные чины и титулы, различные «прибыльные» профессии, земельные угодья, «палацы», деньги, а также говорится о «похоти телесной» (жоне). Земные блага описываются Вишенским в сатирической манере; каждое «искушение» противопоставляется определенному истинному «небесному» благу, и таким образом автор отвергает все дьявольские «искушения», используя видоизмененную катехизисную форму изложения своих доводов, через отрицание земных благ отражая истинную сущность и цели христианского вероучения. Действие в произведении приурочено к концу XVI века, а абстрактная евангельская формула «вся царствия мира и слава их» заменяется подробным перечислением титулов и санов, которые можно было получить на службе в Речи Посполитой; тем самым Вишенский представляет читателю мир Польского государства как «дьявольское царство», власти которого поддались, в частности, некоторые «русские князи и паны» (униаты). Отказ «голяка-странника» от благ этого «царства» означает для Вишенского как критику отдельных сторон общественной жизни Речи Посполитой, так и полное ее неприятие. Таким образом, использование евангельского контекста в условиях религиозной и политической борьбы конца XVI века оправдывает авторскую позицию и через развернутую метафору позволяет связать историю Западной Руси с библейской историей.

Глава 2 (Послание князю Василию-Константину Острожскому) была написана Вишенским после ознакомления с «отповѣдной книжкой» — «Апокрисисом» Христофора Филалета, ответом на вышедший в 1597 году трактат Петра Скарги «Synod Brzeski». Использование традиционного полемического жанра послания позволило Вишенскому в полной мере выразить свою позицию по отношению к ситуации в Юго-Западной Руси. Обилие риторических вопросов и восклицаний, обращений, синтаксический параллелизм, часто встречающаяся анафора, прямые повторы слов и

выражений, «страстность» обличения и отсутствие размеренного темпа повествования — все это свидетельствует о том, что Вишенский предназначал свое сочинение для чтения вслух в церкви или на братском собрании. Назвав в качестве адресата и желаемого издателя своего послания князя Острожского, Вишенский обращается все же ко всем православным христианам на территории Западной Руси, призывая их взглянуть на прегрешения «рымлянина» и не поддаться «латинскому искушению».

Глава 3 («Порада») представляет собой, в отличие от Послания князю Острожскому, не обращение к единоверцам и соотечественникам, а подробный полемический трактат, в котором автор спокойно, тщательно и со знанием дела разбирает основные спорные вопросы образа жизни католического и православного священника. По стилю этой главы видно, что «Порада» предназначалась скорее для чтения про себя, чем вслух: об этом свидетельствуют ряды однородных членов предложения, обилие «нанизывающих» конструкций, детальное перечисление бытовых подробностей, развернутые библейские метафоры, требующие внимательного прочтения и осмысления, а также деление текста на тематические рубрики («то ся рекло о клобуцѣ», «о волосю зась», «о одежди», «уже о поясѣ речи хочу», «уже ступим до невытертых черевиков или чобот» и т. д.). Последнее явление можно рассмотреть и как признак устного обращения к идеологическому противнику, если Вишенский, например, имел своей целью структурировать доводы и донести их смысл до «рымлянина». Во второй части «Порады», особенно после авторского, на первый взгляд, миролюбивого обращения «тую тайну иноческаго чина убиру я тобѣ откряю, толко прошу тя пилне послухай», адресованного «любимому ругателю», Вишенский перестает выдерживать иронический контекст и снова обрушивается с гневным обличением на противника, буквально «засыпая» его риторическими вопросами, обращениями уже сатирического характера и даже ругательствами. «Устный» характер «Порады» во второй ее части уже не подлежит сомнению.

В «Пораде» автор подробно комментирует внешний вид православного инока (клобук, длинные волосы, «некшталтовая» одежда, пояс, «невытертые» сапоги), его поведение и образ жизни, а также поясняет глубокий христианский смысл этих явлений и роль их в спасении инока. Это своеобразная апология иночества, по содержанию похожая на «Писание до всѣхъ обще, в Лядской земли живущих» (главу 4), главу 7 («О еретикох») и «Извѣщение краткое о латинских прелестех» (главу 6). В этой же главе находится и вторая апология — апология «славянского языка» и «блаженной простоты», в которой содержатся советы и указания ко исправлению благочестия в «Малой Руси» («рада» об исправлении церкви). Эти два больших авторских отступления органически связаны с текстом «Порады». В данном сочинении Вишенского как писателя особенно характеризует отсутствие чувства меры: по его мнению, лучше максимально полно и точно выразить свои мысли, «содержание» своего учения, чем сохранить форму и выбранный жанр сочинения. Именно поэтому становятся неизбежными композиционные огрехи, которые настораживали «ученых» писателей-полемистов, но не беспокоили самого Вишенского. Наличие большого количества отступлений и вставок, по мнению Еремина, вообще является отличительной чертой авторского стиля писателя¹. Упоминая какую-нибудь деталь, «зацепившись» за спорный случай, Вишенский отступает от бытового контекста и переходит в богословский, развязывает «узлик», который сам ранее завязал. В привычной для писателя и уже встречавшейся нам ранее диалогической форме (беседе между автором и «римлянином» («дворянином», «мирянником»)) Вишенский, сатирически изображая быт католических и униатских церковных деятелей, обличает основу жизни всех католических духовных лиц, используя при этом яркие художественные приемы — намеренную гиперболизацию и гротескное изображение противника. Именно здесь, как полагает С. М. Шаховский,

¹ Еремин И. П. Иван Вишенский и его общественно-литературная деятельность // Иван Вишенский. Сочинения / Подг. текста, ст. и ком-и И. П. Еремина. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 299-300.

Вишенский использовал «десятки однотипных слов, чтобы усилить остроту обличения» своих противников¹.

Глава 4 («Писание до всѣх обще, в Лядской земли живущих») представляет собой также послание, в котором Вишенский обращается к православным христианам, а также к католикам, проживающим на территории Речи Посполитой и Западной Руси, с призывом покаяться. Источниками «Писания» послужили многочисленные послания братств и шляхтичей православным патриархам и митрополитам, в которых подробно описывается жизнь «латинских» священнослужителей и их прегрешения. Точная дата написания сочинения не установлена: по вероятной, но неправдоподобной, с точки зрения Еремина, гипотезе И. Франко, это могли быть 1592-1593 гг., однако Еремин предполагает, что «Писание» могло быть создано и раньше (во всяком случае, не ранее 1585 г.).

Последние главы «Книжки» были написаны Вишенским в спешке, о чем свидетельствует их небольшой размер, схематичность повествования, недостаточная продуманность аргументов, изложение доводов в упрощенном виде (списком) и композиционная связанность глав 8 и 9. Глава 7 («О еретикох») — это небольшая статья, являющаяся непосредственным продолжением главы 6. Вишенский выделил ее в отдельную главу, обосновав свое решение фразой «о латинской прелести краткословне речеся» (то есть подытожил основные положения главы 6 и записал их отдельно в главе 7). Еремин полагает, что это сочинение является поздним дополнением к шестой главе, написанным Вишенским уже непосредственно при подготовке «Книжки». В ней автор продолжает обличать «латинскую прелесть», а также дает краткую характеристику другим «ересям» (например, лютеранству).

Главы 8 и 9 («Загадка философом латинским» и «Слѣд краткий») были написаны одновременно и специально для «Книжки», они тесно связаны друг с другом по смыслу и представляют собой композиционное единство, искусственно разделенное на две главы. В главе 8 задается вопрос

¹ Шаховский С. М. История украинской литературы (краткий очерк). / Под общей ред. А. И. Белецкого. Вып. 1. Киев: Радянська школа, 1950. С. 58.

«философом латинским», «загадка», которую они не смогут разгадать, несмотря на свою ученость. В главе 9 содержится ответ, своеобразная разгадка — руководство, «ключи», при помощи которых отворяются «врата» божественной истины. Целью этих двух глав является противопоставление «светской мудрости» «блаженной простоте». Эти сочинения содержательно дополняют главу 6 и посвящены обличению как латинских философов (иезуитов), так и «младенцев бѣлобрадых русских» (православной шляхты).

Названия глав, сформулированные Вишенским, не отличаются лаконичностью — наоборот, автор всегда старается кратко отразить в них основное содержание произведения, а иногда — даже указать причину написания. Для них характерно перечисление всех возможных адресатов, наличие полноценных предложений, выражающих законченную мысль, и указание имени автора.

Интересной особенностью произведений Вишенского является жанровый синкретизм. Еремин отмечает, что все его сочинения написаны в тех или иных жанрах «учительной» (и полемической) литературы: это вопросо-ответная форма диалога, соборное послание, полемический трактат. В «Книжке» нам встретилась, кроме названных жанров, также и статья полемического характера, а также «загадка» с ответом-«ключом». К жанру послания Вишенский обращался чаще всего. Однако, по замечанию Еремина¹, писатель редко выдерживал все сочинение в рамках одного жанра. Предполагая, что каждый жанр имеет свои преимущества, Вишенский использовал тот или иной его элемент в сочинениях, действуя в рамках не одного жанра, а целой системы традиционных «полемических» жанров. Иногда признаки разных жанров бывают так тесно переплетены между собой в одном произведении, что трудно отнести сочинение однозначно к определенному жанру. Сложность композиционной структуры отдельных глав объясняется сознательным нежеланием автора использовать принятые

¹ Еремин И. П. Иван Вишенский и его общественно-литературная деятельность // Иван Вишенский. Сочинения / Подг. текста, ст. и ком-и И. П. Еремина. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 265-266.

правила построения текста, если их употребление мешает точно сформулировать мысль. «Простота» произведения — это не традиционная легкость чтения и не выдержанная структура, ожидаемая читателем, а непосредственность изложения материала, доступность содержания и намеренное нежелание автора следовать «ученым» советам по организации текста. Требованиями содержания объясняются и такие композиционные особенности сочинений Вишенского, как отсутствие четкого плана построения, резкие переходы между текстовыми фрагментами, обширные выписки, непродуманность в соотношении частей текста и частое чрезмерное нагромождение однотипных выражений, варьирующих один полемический аргумент, но конкретизирующих его и иллюстрирующих в разных аспектах.

2.3. Статистическое описание корпуса имен существительных

Имена существительные были выбраны нами для лексического анализа по следующим причинам:

1. в тексте «Книжки» наблюдается особое разнообразие в употреблении существительных разных разрядов: конкретных при описании быта католиков и православных, абстрактных в «богословском» контексте и при цитировании священных текстов, собирательных при обличении «латинской прелести»;

2. яркие окказионализмы и диминутивы, которыми богат текст «Книжки», представляют большой интерес для изучения;

3. стилистические варианты одного и того же существительного, употребляемые автором в зависимости от контекста, позволяют отметить писательское мастерство Вишенского и описать специфику его идиолекта;

4. рассмотрение особого «генетического» разнообразия имен существительных в тексте «Книжки» (использования элементов «простой мовы», заимствований из латинского и греческого языков, собственно полонизмов, общеславянизмов, украинизмов), лексического «сплава»

существительных разного происхождения позволяет охарактеризовать языковое своеобразие произведений Вишенского.

При лексическом анализе мы пользовались основным текстом издания сочинений Вишенского Ереминым¹ и обращались к разночтениям, приведенным по всем спискам в конце издания, в которых отмечалось появление новых лексем, замена композитов на однокоренные слова с одним измененным корнем и возникновение графических вариантов лексем. К отдельным словам Еремин самостоятельно приводит некоторые графические варианты, отмечая их в авторском «Словаре»² к публикуемым произведениям Вишенского — алфавитном списке слов, нуждающихся, с точки зрения Еремина, в толковании. Кроме того, мы обращались к тексту «Книжки» Вишенского, опубликованном на сайте «Історія України ІХ-ХVІІІ ст. Першоджерела та інтерпретації» (Ізборник)³, который был полезен для понимания содержания произведения при наличии разночтений, необходимости прояснить значение слова и восстановить оригинальный облик лексемы (например, при неправильном прочтении слова в рукописи).

Методом сплошной выборки лексем из текста и при использовании программы AntConc был получен список всех грамматических форм и графических вариантов имен существительных, употребляемых в тексте выбранных глав «Книжки», и выявлена частотность их употребления. Из 16482 слов в тексте глав было выделено 4180 словоупотреблений существительных (25.4 %). Из 5898 словоформ всех частей речи 2276 являются словоформами и графическими вариантами существительных (38.6 %).

¹Вишенский И. Книжка // Вишенский И. Сочинения / Подг. текста, ст. и ком. И. П. Еремина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Далее все цитаты будут приводиться по данному изданию с указанием номера страницы во внутритекстовых и постраничных ссылках в формате (14).

² Словарь // Вишенский И. Сочинения / Подг. текста, ст. и ком. И. П. Еремина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 336-352.

³ Иван Вишенський. Книжка [сайт]. URL: http://litopys.org.ua/old14_16/old14_19.htm (дата обращения: 20.05.17).

При анализе материала учитывались не только «собственно» имена существительные, но также и субстантивированные прилагательные и причастия, перешедшие в разряд существительных (например, *войский, животное, крещеный, православный, преложоный* ‘имеющий власть, начальник’¹, *святой*), однако в статистическое описание лексем (см. выше) они не вошли. При анализе слов не учитывались имена прилагательные и причастия, функционирующие в составе неполных предложений и занимающие в тексте «Книжки» синтаксические позиции подлежащего, дополнения² и обращения (например, *о вышний! о праведный!* (17); *о богатый, покажи свое богатство!* (18)). Исключениями являются прилагательные в составе имен собственных (всего 10): фамилий и родовых имен (*Вишенский, Острозский, Слуцкие*), географических наименований (*Афонская гора, Горы Святого Спаса, корона Полская, Малая Россия (Малая Русия)*), обозначения титула (*папа римский*), *помен сасгит (святой дух)*, — которые рассматриваются как неразрывные лексические единства. Имена существительные, входящие в состав устойчивых сочетаний типа *друг другу*, не рассматривались.

На равных основаниях нами исследовались как существительные, употребляемые в основной части текста, так и существительные, входящие в состав названий всех глав, оглавления и вводных «предисловий».

При анализе лексем были рассмотрены как нарицательные (2173 словоформы), так и собственные имена существительные (69 лексем, 103 словоформы). Среди последних отметим:

1. топонимы (27):

¹ Все значения слов, которые приводятся без ссылки на тот или иной исторический словарь, были взяты из «Словаря» Еремина к изданию сочинений Вишенского.

² Например, «Книжка Иоанна мниха Вишенского от святых Афонских горы в написание всех православных христиан, братствам и всем благочестивым...» (7), «... паче же где бы ся речение разумения кончило, там духови да отпочивает, отдыхает и постоювает, ато для того, абы и простым безкнижным слухачом разум реченых явлен и вмѣстен был» (9), «...або вѣм мое неразумное мудрейшее от человек ест, и мое недужее мощнейшее от человек ест» (18).

- 1.1. названия городов (11): *Антиохия, Берестия* (Брест), *Велис* (Велес), *Венеция, Вишня* (Судовая Вишня), *Гомора, Иерусалим, Ниневгия, Острог, Сигор, Содома* (Содом);
- 1.2. название села (1): *Жидичина* (село Жидычин в Волынской области на Украине);
- 1.3. названия стран и исторических областей (11): *страна Авситидстей* (Авситида), *Волынь, Израиль, Крыт* (Крит), *Малая Россия, Малая Русия* (она же *Лядская земля*), *Подоль* (Подолье), *корона Полская, Русь, Иудея*;
- 1.4. названия гор (3): *Афонская гора* (она же *Горы Святого Спаса*), *Сион*;
- 1.5. название реки (1): *Вардар*;
2. название части света (1): *Восток*;
3. антропонимы (30), среди которых:
 - 3.1. имена ветхозаветных персонажей (7): *Авраам, Адам, Афраим* (Эфраим), *Давид, Иов, Лот, Товия*;
 - 3.2. имена новозаветных персонажей (13): *Аполлос, Георгий* (мученик), *И(и)сус Христос, Иоан Богослов, Июда, Креститель, Лазарь, Лука, Матфей, Павел, Петр* (также *Кифа*), *Тимофей* (Эфесский);
 - 3.3. имена людей, значимых для истории Азии (2): *Махомет, Сенахерим* (Сеннахирим (также Синахериб), ассирийский царь);
 - 3.4. имена античных философов (2): *Аристотель, Платон*;
 - 3.5. имена современников Иоанна Вишенского (4): *Василий-Костянтин Острозский, проигумен Сава, Стефан* (Баторий, король польский), *Слуцкие* (князя);
 - 3.6. имя архиепископа (1): *Варлаам* (архиепископ охридский);
 - 3.7. имя автора «Книжки» (1): *Иоан(н) Вишенский*;
4. библейские термины, «имена» Бога и дьявола (2): *Велиар, Саваоф*;

5. названия языческих и христианских праздников (3): *Великдень, Купала, Рождество*;
6. названия богослужебных книг (5): *Апостол, Евангелие, Охтаик, Псалтыр, Часословец*;
7. этноним (1): *Рус*.

Наиболее употребимыми в рассматриваемом тексте «Книжки» являются лексемы *бог* (114 словоупотреблений), *вѣра* (79), *инок* (52), *дух* (51), *мир* (50), *вѣк* (42), *диявол* (41), *земля* (40), *житие* (39), *жизнь* (31), *Христос* (31), *пожиток* ‘польза, прибыль’ (28), *христианин* (28), *царство* (27), *мысль* (26), *смерть* (26), *живот* (23), *имя* (23), *прелесть* (22), *церковь* (22), *глас* (21), *разум* (21), *тѣло* (21), *власть* (20), *Павел* (20). Высокая частотность слова *пожиток* объясняется тем, что эта лексема употребляется в главе 1 в составе многочисленных риторических обращений обличительного характера «голяка-странника» к дьяволу-искусителю: «Што ж за пожиток с того всего твоего дарохитрства, коли я простоты Исусовы навикнути не могу. Што ж ми за пожиток з славы и чести сусѣдское, коли я в лику пророк, патриарх, апостол, мученик и добре богу угодивших славиться не буду. Што ми за пожиток...» и так далее (15). Частое употребление других слов, перечисленных выше, представляется оправданным содержанием «Книжки» и ее жанровой спецификой.

2.4. Лексико-семантическая характеристика имен существительных

Имена существительные были рассмотрены в разных аспектах и при использовании современных (толковых), исторических, этимологических словарей старославянского, русского, украинского, белорусского и польского языков, а также переводных русско-украинских словарей. Список всех словарей указан ниже в алфавитном порядке. При анализе лексем мы не пользовались данными словаря «Синонима славеноросская» неизвестного

автора XVII века¹, соглашаясь с мнением П. И. Житецкого², который отмечал при первой его публикации недостаточность фиксации в нем слов обиходного языка XVII века, на что позже также обращал внимание В. В. Нимчук³. Все ссылки на словари далее будут приводиться с кратким указанием словаря в виде аббревиатуры и указанием выпуска и номера страницы в формате (вып. / том 2, 56).

1. «Возведенный словарь обветшалых и малоприменимых слов»⁴ (ЗС);
2. «Лексикон славеноросский альбо имен толкование» Памвы Беринды⁵ (Киев, 1627; ПБ);
3. «Лексис» Лаврентия Зизания⁶ (Вильно, 1596; ЛЗ);
4. «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского⁷ (МС);
5. «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» Т. Ф. Ефремовой⁸ (Е);

¹ Синонима славеноросская. У 4 ч. [сайт] URL: <http://litopys.org.ua/zyzlex/zyz70.htm> (дата обращения: 20.05.17).

² Житецкий П. И. Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII и XVIII вв. К., 1889. Вып. 1. С. 3.

³ Нимчук В. В. «Синоніма славеноросскаа» — пам'ятка давньої української лексикографії [сайт]. URL: <http://litopys.org.ua/zyzlex/zyz69.htm> (дата обращения: 20.05.17).

⁴ Зведений словник застарілих та маловживаних слів [сайт]. URL: <http://litopys.org.ua/rizne/zvslovnyk.htm> (дата обращения: 20.05.17).

⁵ «Лексикон словенороський альбо имен толкование» Памви Беринди / Підг. тексту і вступ. ст. В. В. Нимчука. К., 1961.

⁶ «Лексис» Лаврентія Зизанія. Синоніма славеноросская / Підг. текстів пам'яток і вступ. ст. В. В. Нимчука. К.: Наукова думка, 1964.

⁷ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. СПб.: Типография Императорской АН, 1893-1912.

⁸ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000 [сайт]. URL: <http://www.efremova.info/> (дата обращения: 20.05.17).

6. «Русско-украинский словарь» И. О. Анниной, Г. Н. Горюшиной, И. С. Гнатюк¹ (АГГ);
7. «Словарь малороссийского или юго-восточного русского языка» П. П. Белецкого-Носенко² (1840-1842, БН);
8. «Словарь русского языка XI-XVII вв.»³ (СРЯ);
9. «Словарь старопольского языка»⁴ (СС);
10. «Словарь старославянского языка»⁵ (ССЯ);
11. «Словарь староукраинского языка XIV-XV вв.»⁶ (ССУМ);
12. «Словарь украинского языка XVI – первой половины XVII вв.»⁷ (СУМ);
13. «Словарь украинского языка» в 11 томах⁸ (СУМ-11);
14. «Этимологический словарь белорусского языка»⁹ (ЭСБМ);
15. «Этимологический словарь русского языка» Макса Фасмера¹⁰ (МФ);

¹ Анніна І. О., Горюшина Г. Н., Гнатюк І. С. та ін. Російсько-український словник (160 тис. слів) / За ред. В. В. Жайворонка. К.: Абрис, 2003.

² Білецький-Носенко П. П. Словник української мови. Підготував до видання В. В. Німчук / АН УРСР, Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні. К.: Наукова думка, 1966.

³ Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-29. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М.: Наука, 1975-2008.

⁴ Słownik staropolski. Warszawa: Polska akademia nauk, 1953. Т. 1-11.

⁵ Словарь старославянского языка. Репр. изд.: в 4 т. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.

⁶ Словник староукраїнської мови XIV-XV ст.: у 2 т. / Укл. Д. Г. Гринчишин, У. Я. Єдлінська, В. Л. Карпова, І. М. Керницький, Л. М. Полюга, Р. Й. Керста, М. Л. Худаш. К.: Наукова думка, 1977-1978. Т. 1-2.

⁷ Словник української мови XVI - першої половини XVII ст.: у 28-ми вип. / відп. ред. Д. Гринчишин; укладач О. Кровицька. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2008.

⁸ Словник української мови: в 11 тт. / АН УРСР. Інститут мовознавства; за ред. І. К. Білодіда. К.: Наукова думка, 1970-1980.

⁹ Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т.1-13. / Уклад. М. Я. Абрагімовіч [і інш.]; гал. рэд. Г. А. Цыхун. Мінск: Навука і тэхніка, Беларус. Навука, 1978-2010.

¹⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 1-4. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд., стер. М.: Астрель: АСТ, 2009.

16. «Этимологический словарь украинского языка»¹ (ЭСУМ).

При анализе материала был выявлен ряд лексико-семантических и тематических групп существительных, функционирующих в тексте «Книжки» и характеризующих своеобразие языка Вишенского. При описании лексики по лексико-семантическому принципу мы придерживались самой общей классификации лексем и пользовались такими методами исследования, которые отражены, например, в работах А. С. Львова² или в обширном труде «История украинского языка» (Лексика и фразеология)³. На наш взгляд, использование именно такого, максимально «широкого», подхода к рассмотрению лексики позволило охарактеризовать материал с наиболее выгодной стороны и дало наиболее значительные результаты. Рассмотрение взаимного функционирования отдельных лексико-семантических групп в тексте «Книжки» и частотности употребления различных слов относительно друг друга позволило проследить, как и какими средствами Вишенский описывал интересовавшие его явления действительности и сферы человеческой жизни. Охарактеризуем каждую значимую для описания текста «Книжки» лексическую группу.

В произведении широко представлена лексика, функционирующая в составе лексико-семантической группы «светская власть» и изображающая идеологического противника писателя в различных социальных проявлениях. Здесь встречаются наименования высоких придворных титулов, государственных должностей, военных чинов и званий: *властелин*, *воевода*, *войский*, *гетман*, *дикгнитар* ‘сановник, знатный чиновник, вельможа’, *канцлѣр*, *каштелян* ‘высший придворный чин в старой Польше, сенатор’,

¹ Етимологічний словник української мови: В 7 т. / АН УРСР, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні; Редкол.: О. С. Мельничук (головний ред.) та ін. К.: Наукова думка, 1982-1985.

² Например, Львов А. С. Лексика «Повести временных лет» / Институт русского языка АН СССР. М.: Наука, 1975; Львов А. С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М.: Наука, 1966.

³ Історія української мови. Лексика і фразеологія / відп. ред. В. М. Русанівський, Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні НАН України. К.: Наукова думка, 1983.

князя, князь, король, кроль, пан, подкоморий ‘высший придворный чин в старой Польше’, *преложенный* ‘имеющий власть, начальник’, *староста*. Разделить их? Однокоренные им слова встречаются в названиях земельных владений, реальных или желаемых, и при характеристике статуса, в котором находится высокопоставленное лицо: *воеводство, дикгнитарство* ‘достоинство, сан’, *канцлерство, королевство, началство, панство*¹. В пределах рассматриваемой лексико-семантической группы находятся также наименования лиц, занимающихся торговлей и сбором пошлин, и их статуса: *карчмарь* ‘владелец, содержатель корчмы, кабака’², *купец, лихоимец* ‘ростовщик, взяточник’³, *мытник* ‘сборщик пошлины; таможенник’, *шинкарь* ‘содержатель шинка, кабака’, *шинкарка* ‘содержательница шинка или жена шинкаря’, а также *карчмарство* и *купецство*⁴. Слова обеих лексических групп функционируют в тексте «Книжки» в составе перечислительных конструкций, которые Вишенский использует для характеристики разнообразных дьявольских искушений: «Даси ми зась, дияволе, быти кролем, канцлером, гетманом, воеводою, старостою, кашталяном и другим нѣкоторым дикгнитаром и преложенным власти мирское твоего дияволского царства» (14), «Даш ми зась, дияволе, купцем, лихоимцем, мытником и карчмаром быти, да тым лихоимством и упражнением розум свой погребу и ослѣплю» (14). Эти слова используются в тексте как контекстуальные

¹ В тексте «Книжки» фиксируется еще одно слово с корнем *-пан-* — *паненство* ‘девство’. Если лексема *панство* функционирует в сочинении в значении ‘земная власть’, то однокоренное слово *паненство* используется автором при описании чистоты православной веры: «Але што мовити много, благодарю бога за твердость и сталость вашу, благодарю за статечност и учтивость, учтивост, мовлю, которую ко богу вцѣле цноты паненства вѣры своее без всякое змазы и приганы заховуете, што, боже, дай, абысте и до конца заховали, зычу» (16-17).

² Эта лексема функционирует в тексте «Книжки» в составе словообразовательного гнезда *карчмарство, карчмарь, корчма*, использование которого было важно для Вишенского при описании монополизированного права шляхты на продажу спиртных напитков. По мнению автора, «дворянин» все время проводит в корчме, «глытая» вино и пиво и спаивая «людские сумнѣня».

³ В «Словаре» Еремина отмечается также лексема *миелоимец* ‘взяточник, корыстолюбец’, соотносимая с рассматриваемой лексической группой.

⁴ Кроме лексем *купец* и *купецство*, в словообразовательное гнездо с корнем *-куп-* входят также слова *купа* ‘покупка’, *купление* и *куповане* ‘покупка, процесс покупки или приобретения чего-либо’.

синонимы: для автора все чины и титулы друг на друга, так как все они имеют «дьявольское» происхождение. Именно поэтому подобное перечисление лексем¹ позволяет нам выделить их в отдельную лексико-семантическую группу, которое также можно назвать «искушения чинами и титулами».

Наравне со «светскими чинами» (гражданскими и военными) «голяка-странника» прельщают получением духовных «тытулков». В состав лексико-семантической группы «духовная власть» входит, например, тематическая группа «духовные звания», куда входят наименования как католических, так и православных должностей: *архиепископ, архимандрит, арцибискуп, бискуп, епископ, кардинал, митрополит, папа* и *папа римский, папѣжь* ‘папа римский’², *патриарх*³, *поп*. Примечательно, что «голяка-странника» ищут исключительно католическими званиями, а о православных духовных чинах Вишенский уже сам говорит в других главах «Книжки», характеризуя поведение своих единоверцев. Лексемы *папежство, патриаршество* и *поповство* называют состояния обладания этими должностями, а слова *инок, инокиня* и *мних (монах)* характеризуют самого Вишенского, «голяка-странника» и всех благочестивых адресатов «Книжки».

Отдельную лексико-семантическую группу составляют слова, описывающие устройство феодального хозяйства на территории Юго-Западной Руси и Речи Посполитой рубежа XVI-XVII вв. Сюда входят наименования жилых и хозяйственных построек (*дом, домок, обора* ‘хлев, скотный двор’, *хата*), земельных участков (*землица, земля, (к)грунт* ‘основа;

¹ Такая синтаксическая конструкция встречается лишь в главе 1 («Обличение диавола-миродержца»), что объясняется жанровой спецификой произведения и его риторической организацией, прокомментированной выше.

² Лексема *папежник* не входит в этот лексический ряд, так как обозначает в широком смысле любого католика — приверженца «папской» веры, сторонника папы римского.

³ Однокоренное слово *патриаршник* также не входит в рассматриваемый лексический ряд, поскольку обозначает всякого приверженца православной веры, причем Вишенский выступает против использования этого слова, так как любого православного вне зависимости от его национальной принадлежности следует называть, по его мнению, «только христианин» (39).

земля, почва'¹, (*к*)*грунт*ик, *поле*, *село*, *угодие*), хозяйства в целом (*имѣние*, *фолварк* 'усадьба, имение; хозяйство, основанное на барщине'). Однокоренной словам *дом* и *домок* является лексема *доматур* 'домосед'. Ее польское происхождение (стп. *domator*, *domatur*) указывается в СУМ (вып. 8, 115), и значение 'домосід, домонтар, *dial.* доматор' иллюстрируется только одной цитатой (из «Книжки» Вишенского).

Богатым хозяйством обычно владеет *дворянин*, которого Вишенский изображает в карикатурном виде и называет *скотоедом*². Интересно, что лексемы *шляхтич* и *шляхетство* не используются при описании дворянина и его социального положения: напротив, истинным *шляхтичем* Вишенский называет добродетельного человека, который «з неволѣ мирское к богу вырнет и совышше ся от духа святого породит» (43), в противоположность *хлопу*, *неволнику*, *мужику* и *поиманцу* — пану, который «иж мира сего хлоп и неволник» есть (43). Лексема *шляхетство* функционирует в тексте «Книжки» в составе образного выражения «шляхетство вѣры» («Видиш ли шляхетство вѣры наше» (43)), что подчеркивает исключительный статус православной веры и ее истинное превосходство над католицизмом и униатской верой. Таким образом, используя феодальную терминологию, писатель характеризует антифеодальное различие между двумя христианскими церквями.

Вишенский выражает в высшей степени негативное отношение к любому богатому дому. Интересно, что при противопоставлении «земного» хозяйства «небесным» владениям автор использует разные лексемы: «Што ж ми за пожиток з многих фолварков и оздоб домку, коли я красных дворов

¹ Эта лексема функционирует в тексте «Книжки» в обоих значениях, тогда как лексема *кгрунт*ик, наоборот, употребляется только в уменьшительно-пренебрежительном значении 'землица'. Слово *кгрунт* в значении 'основа' функционирует в тексте произведения наравне со словом *основание*.

² Окказиональные новообразования Вишенского на *-ед* (типа *куроед*, *свиноед*, *гускоед*), характеризующие польского «пана», будут рассмотрены отдельно в параграфе 2.8. Примечательно, что в тексте «Книжки» наравне с этими окказионализмами употребляются и слова, послужившие для них словообразовательной или семантической базой: *кровь* — *кровоед*, *кур* — *куроед*, *мясо* — *мясоед*, *порхавка* 'птичка' — *птахоед*, *свинья* — *свиноед*, *скот* — *скотоед*. Корень *-сыт-*, отмечающийся в словах *насыток*, *насычене*, *насыщение*, *несытство*, отразился в авторском новообразовании *сытоед*.

горняго Иерусалима не узрю и не во едином кутику в оном посидѣти не сподоблюся» (15), «Што ж ми за пожиток с того домку, коли я в палацу небесного мѣста Иерусалима седѣти не буду» (15). Мы видим, что лексемы *двор* и *палац* являются здесь контекстуальными антонимами к словам *домок* и *фолварк*. Лексема *замок*, синонимичная слову *палац*, наоборот, функционирует в тексте «Книжки» в контексте, описывающем «земное» человеческое благополучие: «Или не вѣдаеш, яко в замкох, мѣстах, селах, полях, кгрунтах, границах, розширенях мысль блудячая о царствии¹ божом мыслити не может?» (31).

Обширную лексико-семантическую группу составляют существительные, обозначающие понятия «грамотность» и «книжная культура». Сюда входят слова *книга*, *книжка* и наименования священных книг и их частей (*Евангелие*², *Писане*, *Охтаик*, *Псалом*, *Псалтырь*, *Часословец*). Слова *даскал* ‘учитель, наставник’³, *наставник*, *проповѣдник*, *учитель* также относятся к этой группе. Лексемы *изучение*, *писание*, *письмо*, *прочитание*, *учение*, *читание*, *чтение* обозначают различные процессы постижения «небесной» истины, которые обычно совершают *прочитатель* и *ученик*. К этой же лексико-семантической группе примыкают пары слов *речение* — *рѣчь*, *философ* — *философия* и лексема *наука*.

Военная лексика представлена в тексте «Книжки» словами *воевода*, *воеводство*, *военник* ‘воин’, *воин*, *война*, *войский*, *войско*, *гетман*, *дружина*, *запасы* ‘военные походы; борьба’, *жолнѣр* ‘солдат, воин’. В основном здесь перечислены военные звания и наименования участников боевых действий.

¹ Употребление лексем *царство* и *царствие* в тексте «Книжки» семантически разграничено: *царство* обычно «земное, дьявольское», а *царствие* всегда «небесное, божие»: «ти ж всѣ пали и поклонилися славѣ, *царству*, красотѣ и любви вѣка того настоящего, мною владомого» (12), «если ни покаания не имаеш, и *царствия* божия не узрит» (28).

² Эта лексема функционирует в тексте «Книжки» в составе словообразовательного гнезда, выраженного также словами *евангелик* ‘протестант, лютеранин, кальвинист’ и *евангелист* ‘то же’.

³ Говоря «мой естъ даскал простак», Вишенский имеет в виду Иисуса Христа: «Мой ест даскал простак, але от всѣх мудрѣйший, который безкнижных упремудряет; мой даскал простак, который рыболовци в человѣколовци претворяет; мой даскал, который простотою философы посмѣвает; мой даскаль, который смиреніем грьдось потлумляет» (10).

Лексема *войский* входит в состав обширного перечисления «искушений чинами» голяка-странника, рассмотренного выше, наравне со словами *подкоморий* и *судия*: «Если хочеш войским, подкоморим или судиею быти, пад, поклони ми ся, я тобѣ дам» (12). Кажется, что здесь это слово функционирует не в значении ‘воин’, отмеченном как единственное значение субстантива в СРЯ (вып. 2, 310), а в значении ‘должность следящего за порядком в воеводстве’, так как оно употребляется в тексте «Книжки» наравне с наименованиями других высоких чинов и должностей. Такое значение лексемы *войский* отмечается в ЗС (‘помощник каштеляна’) и в СУМ (вып. 4, 194): «урядник, который следил за порядком и безопасностью в воеводстве и замещал каштеляна в военное время».

Противопоставление лексико-семантической группы слов «праведность» группе «греховность» является центральным в тексте «Книжки» и выполняет сюжетобразующую функцию. Рассмотрим каждую из этих групп отдельно.

Понятия нравственности и безгрешности выражают такие слова, как *годность* ‘почтение, достоинство’, *добро*, *добродѣтель*, *добронравие*, *достоинство*, *покура* ‘смирение, кротость, покорность’, *пристойность*, *простота*, *смирение*, *убозство*¹, *цнота* ‘добродетель’, *честь*. Добродетельные лица (*бѣдник* ‘бедняк, горемыка, несчастный человек’, *голяк* ‘бедняк’, *неборак* ‘бедняга; простак’, *простак*, *сиромаха* ‘бедняк’, *цѣломудрец*) совершают благочестивые действия (*молитва*, *моление*). В «Словаре» Еремина отмечена лексема *нужник* ‘нищий, бедняк’, которая также входит в рассматриваемую группу слов, но не употребляется в пределах анализируемых глав «Книжки». Положительными характеристиками благочестивого человека являются *крѣпость*, *сталость* ‘постоянство; крепость, непоколебимость’, *статечность* ‘постоянство,

¹ Эта лексема используется автором для характеристики богобоязненного человека и символа православной веры («Албо ест у диавола скруха и *убозство*?») (36)), а синонимичная ей лексема *шпетность* ‘безобразие, уродство’ употребляется при описании намеренной «некрасивости» головного убора православных монахов: «Вторая причина [того клобука]: посромочует красоту и пестроту мираугодных и красоту любячих своєю шпетностю и нѣкчемностю» (26).

верность, неизменность', *твердость, учтивость* и *честоване* чего-либо, тогда как *несталость*, наоборот, является отличительной чертой характера грешника. В рассматриваемую лексическую группу также входят слова *спасение, спаситель* и синонимичное им *збавене* 'спасение'. Таким образом, праведным человеком для Вишенского является «простой» человек, монах, не искушенный риторическими мудростями и «науками», не стремящийся к обогащению и не думающий о земной жизни. Описание «праведного мира» дается автором сдержанно и без лишних подробностей.

Характеристика «грешного мира» католиков и униатов, наоборот, разнообразна и несет на себе печать глубокого авторского презрения. В эту лексико-семантическую группу входят слова, выражающие противоположные «небесной простоте» понятия «земной хитрости». Главой этого мира является *бѣс, диявол, майстр (мистр)*¹ 'мастер, хозяин; старший, обманщик, плут', *сатана*; Еремин отмечает в своем «Словаре», что словом *майстр* Вишенский часто называет в «Книжке» дьявола. Главный порок этого «царства», по мнению писателя, — это искушенность в делах, умение делать что-либо искусно и с удовольствием. Человек в этом «хитром мире» для Вишенского — *грѣшник, еретик, змѣнник* 'изменник', *зрадца* 'изменник, предатель', *идолопоклонник, кровопрагнитель* 'кровопийца, кровожадный человек', *лестец*², *лжепророк, порочник, предатель, ругатель*³ всего и *иисусоругатель* в частности, *сквернитель, угодник и хитрец*⁴. *Красота* и *пестрота* его наряда противопоставляется *ипетности* и *нѣкчемности* внешнего вида православного монаха. Грешный католик — *гологлавец*,

¹ Это слово заимствовано из немецкого языка (нем. Meister).

² Склонность к *лести* является одной из самых неприятных черт «латынника». Частое обращение его к лести иллюстрируется употреблением этого слова во множественном числе: «Сласть мняще — вседневное насыщение; сквернители и порочници — питающесея лестми своими, ядуще с вами» (122).

³ Это слово входит в состав словообразовательного гнезда с корневым компонентом *-руг-*, которое представлено в тексте «Книжки» лексемами *ругане, руганье, ругание, поругание*. Слово *хула* по значению примыкает к этому лексическому ряду.

⁴ Однокоренные слова *ухищрение* и *хитрость* характеризуют повседневное поведение «римлянина» и принципы его жизни в целом.

облупенец ‘облупленный, обритый’ и *подголенец* ‘побритый’, а его «голая голова от косматой мыслию, достоинством, годностью и учтивостью пред богом далече отстоит» (27). *Весѣле* и *забава* наполняют его жизнь, он любит *роскошь*, и поэтому он *роскошник* ‘плотоугодник’. Вся жизнь католика и униата — это *праздник*, *праздноване* и *ярмарка*. В тематическую группу существительных «средства передвижения» входят номинации разных пород и видов лошадей и названия транспортных средств. Грехи их касаются самых разных сторон жизни. Идеологический противник Вишенского любит *гроши* и *грошики* — он *грошовладатель* и *грошолюбитель*. Он заботится прежде всего о благополучии своего *тѣла* и сытости своего *чрева* — он *тѣлолюбитель*, *тѣлоугодник* и *чревобѣсник*. «Латынник» любит *сладость*, *сласть*, им владеет *сластолюбие* — он *сладколюбец*, *сластноед* и *цукролюбец*. «Хитростию, прелестию, мечтанием и усоложением блеску и красоты свѣта того» (11), следуя советам «прелестника диавола-миродержца» (11), католик стремится стать причастным к победе Христа в мире, чего можно добиться лишь православным *миролюбием*. «Латинский» грешник любит *пирог*, и поэтому он *пирогоед* и *пирогохитрец*. По мнению Вишенского, он слишком ценит земные удовольствия, любит *питание*, *покарм* ‘пищу’, *потраву* ‘пищу, еду, блюдо’, *напите*, часто впадает в *пиянство*¹. Вишенский, обращаясь к своему противнику, восклицает: «...руки и ноги отпил еси и до конца обезумѣл еси, а того зас не видиши, иж за твоим черевом бочки с *пивами*, барила з медами, барилка з винами, шкатулы з фляшами, наполненными вином, малмазыею з горѣлкою горкодорогою волочат» (42). Автор обличает грешника, указывая ему, «в какой *пивници* содомской» (42) он сидит. Более того, «латынник» любит проводить время и в *зам(н)тузе* ‘доме разврата, притоне’ с *курвами* ‘блудницами, развратницами’, от которых «што цнотливого» (добродетельного, 36) услышать никак нельзя, а сам он *курциан* ‘светский волокита, куртизан’ и *шкурт* ‘развратница,

¹ В тексте «Книжки» фиксируется также лексема *трезвѣние*, однако она употребляется не в значении ‘адекватное, трезвое состояние’, а в значении ‘христианская добродетель, целомудрие, бдительность’: «...и плоть и кровь потом тѣла и подвигом мыслѣнаго внимания во бдѣнии ношном, и дневном трезвѣнии, и присѣдѣнии мѣстном и безмолвном увялити и изсушити» (124).

распутная женщина'¹. Грех *вшетеченства* 'распутства, разврата' не чужд ни католику, ни униату.

Непосредственно в состав лексико-семантической группы «греховность» входят тематические группы слов, которые характеризуют отдельные стороны жизни «латынников» наиболее подробно. Например, «рымлянин» часто катается на лошадях и в каретах, примеряет разнообразные головные уборы, пробует разные хмельные напитки, слушает музыкантов, наполняя суетой свою жизнь и наслаждаясь земными удовольствиями. Так формируются тематические группы «средства передвижения» (1), куда входят наименования разных пород и видов лошадей и названия транспортных средств, «головные уборы» (2), «хмельные напитки» (3), «музыканты» (4):

1. *бадавѣя* 'конь турецкой породы', *брожок*, мн. *брожки* 'повозка', *валах* 'конь (кастрированный), мерин', *дрыкгант* 'крупный конь; жеребец-производитель', *единоходник* 'иноходец (конь)', *карыта* 'карета', *колыска*, *котча* 'коляска', *лектыка* 'носилки', *ступак* 'порода лошади'²;

2. *камилавка*, *каптур* 'монашеский головной убор, клобук', *клобук*, *ковпак* 'колпак', *кучма* 'высокая мохнатая татарская шапка', *макгерка* 'венгерская шапка', *убир* 'убор', *шапка*, *шлык* 'колпак';

3. *альякант* 'род вин, аликанте', *вино*, *горѣлка*, *малмазия* 'мускатное вино; мальвазия', *мед*, *мушкател* 'сорт вина', *пиво*, *ревул*³;

4. *бубениста* 'бьющий в бубен', *инструментиста* 'играющий на том или ином музыкальном инструменте', *органиста*, *пицалник*, *регалиста*

¹ Еремин отмечает в своем «Словаре», что это слово имеет польское происхождение (польск. *szkort*).

² «...или не вѣдаеш, як на тых грѣдых *бадавѣях*, *валахах*, *дрыкгантах*, *ступаках*, *единоходниках*, *колысках*, *лектыках*, *брожках*, *карытах*, *котчих* труп свой пременяючий о животѣ вѣчном мыслити, вѣмѣстити не может?» (31).

³ «Или не вѣдаеш, иж в тых многих мисах, полмисах, приставках, чорных и шарых, чирвоных и бѣлых юах, и многих скляницах, и келишкох, и *винах мушкателах*, *малмазиях*, *альякантах*, *ревулах*, *медох* и *пивах* розмаитых тот смысл еще мѣста не имае?» (31).

‘органист’, сурмач ‘трубач’, *трубач*, *фрюярник* ‘флейтист’, *шамайник* ‘играющий на дудке, сопели’¹.

Вишенский характеризует как отдельные прегрешения «панов», так и саму греховную сущность своих противников. Им свойственна любовь к *славе*, *славице* и, соответственно, *триумфу*. Католик или униат у писателя обычно много говорит, причем хитро и со знанием дела. Искусство (*куншт* ‘искусство, мастерство; изобретение, выдумка’², *майсторѣя* ‘мастерство; изделие’³) красноречия называется у Вишенского *многословием*, *многомовством*, *прожномовством* ‘празднословием’, *славословием*, *тщегласием* ‘пустословием’. *Празнословницей* *велерѣчной* писатель называет *рыторичку* (125). В отличие от молчаливого и смиренного православного инока, «латынники» много смеются, поэтому они *посмѣватели*, *смѣхообрѣтатели*, *смѣхотворцы* и *смѣшники*⁴. Будучи сами *поганци* и *погане*, они погрязли в *поганьстве* и думают лишь о том, как «толко бы тую *поганку*-утробу насытити и утѣшити» (42). Для них характерны такие душевные качества и желания, как *алчъ*, *алчба*, *безчестие*, *грьдосьть*, *жажда* (в значении ‘сильное желание осуществить что-либо’), *змаза* ‘хула, бесчестие, бесславие; скверна’, *нечестие*, *нечистота*, *прагнене* ‘жажда, жадность, алчность, стремление’, *ныха* ‘спесь, чванство, гордость, высокомерие’ и *тщеславие*⁵. Если стремление к *похвале*, *хвале*, *хвалению* считается, по мнению Вишенского, отрицательной чертой характера, то *безхвалие* свидетельствует о благочестии истинно верующего человека и наравне с *благоговенством*, *добродѣтелью*, *добронравием*, *меншостью*, *милостью*,

¹« Албо мнимаеш, иж ты от *трубача*, *сурмача*, *пицалника*, *шамайника*, *органисты*, *рекагалысты*, *иньструментысты* и *бубенысты* што о дусѣ и духовных рѣчах коли слышал?» (36).

² Это слово, как и *майстр*, заимствовано из немецкого языка (нем. Kunst).

³ Эта лексема родственна слову *майстр*, которое было описано выше.

⁴ В словообразовательное гнездо с корневым компонентом *-смѣх-*, отмечающееся в тексте «Книжки», также входят лексемы *смѣяне* и *смѣх*. Отличное по происхождению слово *шидерство* ‘насмешка, издевка’ вступает в синонимические отношения с этими словами.

⁵ Однокоренная данному слову лексема *тщатель* не несет негативной коннотации, а наоборот, обозначает приверженцев истинной православной веры («тщателей церковных» (7)).

послѣдностью, смиреніем и щедростью помогает человеку встать на путь спасения.

Отдельную тематическую группу составляют термины родства (кровного и духовного): *брат* (с однокоренными *братія* и *братство*), *мама*, *мать*, *отец*, *сестра*, *сын* (и связанное с ним понятие «*сыновство божіе*» (14)), *тат* ‘отец, папа’. Слова *день*, *ночь*, *полдень*, *полночь*, *поранок* ‘утро, утреннее время’, *час* формируют тематическую группу «время суток и временные интервалы».

Обширную лексико-семантическую группу составляют наименования людей по месту проживания, национальности и религиозной принадлежности. В *Антиохии* живет *антиохиец*, в *Иерусалиме* — *ерусалимец*, в Константинополе — *патриаршник* и *царогородец*, в Александрии — *олександриец*, в Коринфе — *коринфянин*, в Риме — *рымлянин*¹, в древнем городе *Содома* (!) — *содомлянин*. В *Израиле*, как отмечает Вишенский, живет только *июда* (*Июда*), *иудей* и *жид*. Православную веру исповедуют *арабанаши* ‘албанцы’, *арати* (!), *богданци* ‘валахи’, *болгаре*, *греци*, *ляхи* ‘поляки’, *москва*, *мултяне* ‘молдаване’, *Рус*², *сербы*, *словяне* и *сѣверани*. *Турки*, *турчины* и *туркина* ‘собр. турки’, «прелщенные от диаволского слуги и лжепророка Махомета» (46), по мнению Вишенского, честнее перед Богом, «нежели крещенные ляхи». Как отмечают исследователи, в сочинениях Вишенского встречается одно из самых ранних употреблений слова *нация* при описании независимого народа как на территории Юго-Западной Руси, так и в европейских странах («яко у Венеции, Крътъ и других нациях» (39)). Перечисление этносов необходимо Вишенскому для иллюстрации повсеместности и объединяющей функции православной веры: приводя многочисленные самоназвания народов, писатель доказывает, что «не зовутся вси языки, крещенные в имя отца и сына и святого духа, иным именем <...>

¹ *Рымлянином* и *латиной* Вишенский часто называет вообще всякого католика: «То ли твоя вѣра, рымлянине, як в мирѣ сем славен и велик еси?» (20), «Чому ся ты, рымлянине, смѣш з духовнаго иноческаго чина?» (25) «Щастится и нынѣ латинѣ, але ци не помрут?» (34).

² В тексте «Книжки» фиксируются лексемы *Рус*, *Русь*, *русин*, причем *Рус* / *Русь* функционирует как синкрета — и в названии государства, и в составе этнонима.

— толко ‘христианин’» (39). Разнообразие «языков» (этносов) нивелируется единством православной веры, тогда как католики разделились «на папезника, евангелика, нововыкрещенца и суботника¹» (39) и, по мнению Вишенского, утратили свое единство, погрязнув в *мудровании* и увлекшись «ученым» выяснением божественной истины, тем самым породив множество ересей.

2.5. Лексико-стилистическая характеристика имен существительных

При лексическом анализе любого произведения необходимо учитывать его стилистическую специфику. В условиях функционирования в тексте «Книжки» «простой мовы» это актуально как ни в каком другом сочинении, так как генетическое и стилистическое разнообразие существительных, оправданное использованием такого языка, позволяет Вишенскому обращаться к языковой игре, гротескному изображению идеологического противника и исчерпывающему описанию его быта. Равноправное сочетание «высокой» и «низкой» лексики, церковнославянизмов и просторечия в одном контексте является не только отличительной чертой авторского стиля писателя, но и одним из свидетельств существования ситуации языкового двуязычия, что было характерно, по Б. А. Успенскому, для Юго-Западной Руси рубежа XVI-XVII вв. Проанализируем стилистическую составляющую текста «Книжки».

Известно, что церковнославянизмы могут быть генетическими и стилистическими. Если для древних текстов церковнославянское происхождение слов имеет определяющее значение, то в сочинениях Вишенского важна как генетическая характеристика церковнославянизмов, так и их стилистическая функция и употребление уже в качестве архаизмов (например, *любы* ‘любовь’). Частое использование писателем

¹ Под *суботниками* Вишенский подразумевает жидовствующих.

церковнославянских слов объясняется жанровой спецификой «Книжки» и ее общей богословской направленностью.

В тексте «Книжки» отмечаются фонетические церковнославянизмы. Это, например, слова *нощь* (но *полночь*), *одежда* (наравне с *одежа*). Лексема *грѣдость* представляется скорее графическим, чем фонетическим церковнославянизмом. Полногласные (восточнославянские) и неполногласные (старославянские) варианты слов употребляются в тексте произведения равноправно: *волос* — *влас*; *голос* — *глас*; *голова* — *гологлавец* ‘лысый, с выбритой головой’, *глава*, *оглавление*; *загорода*, *царогородец* ‘житель Константинополя’ — *град*; *серебро* — *сребролюбец*; *сторона* — *страна* и *странник*. Старославянское по происхождению слово *одѣяние*, отмечающееся в ССЯ (том 2, 520), используется Вишенским в украинизированной форме *одѣне* ‘одеяние’ с характерным устранением зияния гласных, что отражается на его стилистической окраске. Среди лексических церковнославянизмов можно назвать, например, слова *зерцало*, *лик* (в противоположность *лицу*), *проповѣдник*, *сокровище*. Лексемы *вознесение* и *возношение*, обе книжные по стилю и старославянские по происхождению, различаются в значениях: «по вознесении его [Христа] на небеса» (11) и «тое возношение [заносчивость, гордыня] ест: который самого себе быти лѣпшим, годнѣйшим, зацнѣйшим и мудрѣйшим от других разумѣет и наявно тое розумѣне о собѣ гласом изьявляет» (17)). Словообразовательные церковнославянизмы образуются при помощи суффиксов *-ениј-* и *-ниј-*: *бдѣние*, *блудодѣяние*, *воскресение*, *дарование*, *зablуждение*, *законопреступление*, *поклонение*, *разсуждение*, *смущение*, *тлѣние*, *угождение*, *упование*, *хваление*. Композиты рассмотрены отдельно в параграфе 2.8.

Среди равноправно функционирующих в произведении лексических (и стилистических) дублетов можно назвать пары слов *коло* — *круг*, *рамо* — *плечо*, *уста* — *губа*. Традиционно отмечающийся в научной литературе¹

¹ Например, у В. В. Колесова: Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. С. 73-81.

лексико-стилистический ряд *житие* — *жизнь* — *живот* иллюстрирует изображение Вишенским разных видов человеческого и божественного бытия. Наиболее употребимы лексемы *житие* (39 словоупотреблений) и *жизнь* (31), слово *живот* встречается в тексте «Книжки» 23 раза. Выводы? Наравне с ними в тексте произведения функционируют однокоренные лексемы *животное*, *житель*, *житница*, *заживане* ‘употребление’, *общезитель*. Похожий ряд слов *насыщение* — *насычене* — *насыток* может служить иллюстрацией к указанному ранее положению Б. А. Успенского, согласно которому в языковой системе Юго-Западной Руси XVI-XVII вв. проводилось различие между церковнославянским, простомовным и живым диалектным словом, отмечающееся в грамматиках и словарях того времени и понимаемое носителями «простой мовы». Сходным образом функционирует лексический ряд *скорьбь* — *смушение* — *смуток* ‘скорьбь, печаль’, хотя семантические отношения между этими словами не столь однозначны, как в предыдущем примере.

В рассматриваемой части текста «Книжки» можно выделить достаточное количество синонимических лексических пар, в составе которых одно слово будет общеславянского или церковнославянского происхождения, а второе — простомовного или даже диалектного. Последние, как правило, фиксируются в современных и исторических словарях украинского и белорусского языков. Такое происхождение придает этим словам сниженную окраску. Таковы, например, пары слов *милость* — *змиловане* (с характерным украинским озвончением начального согласного), *надежда* — *надѣя* ‘надежда, чаяние, упование’ (совр. укр. *надія*). Стилистическая характеристика таких лексем неразрывно связана с их происхождением. Несмотря на генетическое родство между церковнославянизмами, элементами «простой мовы», собственно русизмами и украинизмами, в стилистическом отношении эти лексемы функционируют скорее как антонимы, что объясняется законами истории украинского литературного языка и языковой спецификой «простой мовы».

Церковнославянизмы используются Вишенским при цитировании священных текстов, иллюстрировании своих аргументов библейскими историями, перечислении достоинств православного инока, в то время как элементы «простой мовы» и просторечие употребляются при пародировании «латынника», в сатирическом изображении его быта и при характеристике реалий своего времени. Книжная лексика обычно встречается в тех контекстах, где не выражается авторская ирония и обличение: Вишенский не признавал экспериментов с церковнославянским языком, так как испытывал к нему глубокое уважение. В некоторых случаях близкое соседство церковнославянизмов и простомовных слов, на первый взгляд, наводит на мысль о возможном «небрежном» использовании автором языковых средств при характеристике того или иного явления. Однако это не так. Например, в контексте «четвертое: милость, щедрост, добронравие и добродѣтел, — слънечнаго круга подобие носячи, всѣм свою утробу ко змилованю отворяти и всѣх своим оком недостатки и потреби досвѣдчати» (32) Вишенский закономерно использует церковнославянизмы при перечислении благочестивых качеств, с помощью которых грешник может спастись, однако в комментарии к этим качествам (после тире) он употребляет элементы «простой мовы», что объясняется его языковой позицией. Контрастное сочетание церковнославянизма и обиходного слова в пределах словосочетания (например, «тщегласие отрыгнул», «выналѣзок ‘выдумку, изобретение’ чръплючи», «очи продрал еси») объясняется острым обличительным характером высказываний Вишенского, направленных против Петра Скарги в самом начале второй главы «Книжки» и против «пана» и его образа жизни в «Пораде». Таким образом, в наиболее эмоционально окрашенных контекстах Вишенский допускает одновременное использование «высокой» и «низкой» лексики. Чаще всего подобный контраст встречается в словосочетаниях типа «глагол + существительное», и негативная оценка Вишенского выражается в семантике глагола. По мнению

Еремина¹, Вишенский никогда не использует в своих сочинениях просторечие в целях стилизации. «Живое слово» употребляется писателем только в тех случаях, если другие, «нейтральные» слова не помогают ему точно выразить свою мысль.

2.6. Генетическая характеристика имен существительных

Специфика «простой мовы» заключается не только в стилистическом разнообразии употребляемых слов, но также и в функционировании большого числа заимствований из разных языков. Еремин в своем «Словаре» к изданию сочинений Вишенского указывает, что писатель использовал в произведениях заимствования из латинского, греческого, польского и немецкого языков. Рассмотрим подробнее генетическую составляющую анализируемого лексического материала. Список необходимых сокращений приведен ниже:

- стп. — старопольский;
- ит. — итальянский;
- свн. — североверхненемецкий;
- ср.-лат. — среднелатинский;
- пол. — польский.

В тексте «Книжки» часто встречаются полонизмы, например:

- *клуба* ‘образн. предел, граница, мера; тиски’ (стп. *kluba*, *kloba* из свн. *Klube*, *Klobe*; СУМ, вып. 14, 127);
- *назвиско* ‘название, наименование, прозвище’ (стп. *nazwisko*; ЭСБМ, вып. 7, 206);
- *покута* ‘покаяние, раскаяние’ (стп. *pokuta*; ЭСУМ, т. 4, 484);

¹ Еремин И. П. Иван Вишенский и его общественно-литературная деятельность // Иван Вишенский. Сочинения / Подг. текста, ст. и ком-и И. П. Еремина. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 268.

- *сховане* ‘хранение, сохранение’ (стп. *zachowanie*; СУМ, вып. 11, 22-24);
- *фолварк* ‘усадьба, имение; хозяйство, основанное на барщине’ (стп. *folwark*; ССУМ, т. 2, 501).

Наравне с ними употребляются слова общеславянского или церковнославянского происхождения, формируя лексические пары синонимов: *граница, имя, покаяние, хранение*. Кроме лексических полонизмов, в тексте «Книжки» отмечаются также фонетические полонизмы, например, *злото* ‘золото’, *злотогло(а)в* ‘парча, глазет’.

Сходные пары слов образуют заимствования из латинского и греческого языков и собственно славянские слова:

- *аер* ‘воздух’ — *воздух*;
- *даскал* ‘учитель, наставник’ — *наставник, учитель*;
- *пуркгаториум* ‘чистилище’ — *чистець* ‘то же’;
- *филяр* ‘столп, опора’ — *столп*.

Слова простомовного происхождения часто встречаются в тексте «Книжки» и заметно отличаются от других слов своим фонетическим обликом. Они функционируют в произведении Вишенского как в составе лексических пар, так и самостоятельно. Приведем примеры:

- *миска* (ЛЗ, 28) — *блюдо*;
- *жолнѣр* ‘солдат, воин’ (ЛЗ, 33) — *воин*;
- *мнѣмане* ‘мнение, суждение, мысль, намерение’ (ЛЗ, 57) — *мнѣние*;
- *моц* ‘крепость, сила’, *цнота* ‘добродетель’ (ПБ, 30) — *добродетель*;
- *проба* ‘искус, испытание’ (ЛЗ, 50) — *искус* ‘искушение, испытание’, *искушение*¹;

¹ Примечательно для слов *проба* и *искус* употребление в одном контексте: «...ибо Христос образ толко побѣждати хотящим мира дал, показал и научил и сам собою изобразил, прелести же моего [дьявола] лживого царства мнѣ [дьяволу] не отнял и не погубил, ато для того учинил, абы самовластие человекѣское в том искусѣ, борбѣ и пробѣ вѣка того настоящего досвѣдчалося, очищалося и на живот вѣчный исполеровало» (11-12).

- *противность*, *смуток* ‘скорбь, печаль’, *утиск* ‘притеснение, угнетение’, *утрапенье* ‘страдание, мука; смирение’, *фрасунок* ‘забота, беспокойство, тревога; скорбь, огорчение’ (ПБ, 115). Ср. *скорбь*;
- *ныха* ‘спесь, чванство, гордость, высокомерие’ (ПБ, 94) — *грьдось*;
- *трафунок* ‘случай, случайность, приключение’ (ЛЗ, 78).

Наравне с церковнославянизмами, проанализированными выше, в тексте «Книжки» встречаются фонетические русизмы, например, *одежа*, *полночь*, *помочь*, *помочник*, а также украинизмы. Среди последних отметим лексемы *гощене*, *гра*, *змѣнник* с характерным пропуском начального гласного, *вонтпене* ‘сомнение, колебание, неуверенность’, *куповане*, *утолене* с устранением зияния гласных в суффиксах, *змиловане* с характерным для украинского языка озвончением начального *с*-.

Генетическое разнообразие имен существительных хорошо заметно при рассмотрении перечислительных рядов синонимов и тематических групп слов, используя которые Вишенский характеризует быт католика и униата. Таковы, например, тематические группы существительных «сосуды, кубки», «виды тканей», «посуда». Функционирование лексем разного происхождения в составе подобного ограниченного перечисления позволяет рассмотреть материал в замкнутых лексических системах, где он наиболее показателен.

Тематическую группу «сосуды, кубки» формируют слова *келих* ‘чаша, кубок’, *куфел* ‘кружка’, *начине* / *начинье* ‘сосуд’, *скляница* ‘сосуд, небольшая бутылка’, *сосуд*, *фляша* ‘бутыль, бутылка’. Лексема *келих* (уменьш. *келишко*) имеет церковнославянский аналог *чаша* (ПБ, 52) и является простомовным словом польского происхождения (стп. *kielich*, изначально из свн. *Kelich*; СУМ, вып. 14, 86). Лексема *куфел* (уменьш. *куфлик* и *куфилик* ‘открытый сосуд, чаша’, по данным СРЯ (вып. 8, 149)) является заимствованием из немецкого языка через польское посредство (через пол. *kufel* из свн. *Kuefel*; ЭСБМ, вып. 5, 174). Слова *начине* / *начинье* функционируют в тексте

«Книжки» в образном контексте: «А коли начинье посмѣваеши, то и съкровище, в нем лежащее, безчестиши, то ест самого Христа» (37). Ст.-бел. *начинье* со значением ‘устройство, инструмент’ отмечается как заимствование из стп. *naczuńie* в ЭСБМ (вып. 7, 287-288). Общеславянское *сосуд* фиксируется еще в ССЯ (т. 4, 342-343). Лексема *скляница*, отмечающаяся в СРЯ (вып. 24, 212), имеет древнерусское происхождение (др.-русск. *стѣкляница* (МС, т. 3, 585-586), произв. от др.-русск. **стѣклянъ*; МФ, т. 3, 643). Лексема *фляша* происходит от нем. *Flasche* ‘бутыль, бутылка’ через польск. *flaszka* (МФ, т. 4, 200).

В тематическую группу «виды тканей» входят лексемы *сукно*, *шкарлат* ‘красное сукно, багрец’, *ядамашка* ‘камка, цветная шелковая ткань’. Общеславянское *сукно* фиксируется в МФ (т. 3, 799). Лексема *шкарлат* отмечается у Памвы Берынды и Лаврентия Зизания как простомовный вариант польского происхождения церковнославянского слова *багрянница* (*шарлат*; ПБ, 5; ЛЗ, 25). Фасмер полагает, что слово *шарлат* было заимствовано через пол. *szarłat* из свн. *Scharlât* от ит. *scarlatto* или ср.-лат. *scarlatum* (МФ, т. 4, 409-410). Лексема *ядамашка* (*адамашка*) фиксируется в СРЯ (вып. 1, 22) со значением ‘название шелковой ткани, привозимой из Дамаска’. Фасмер отмечает романское происхождение этой лексемы при польском посредстве (через пол. *adamaszek* из ср.-лат. *adamascus*, ит. *damasco*; МФ, 61-62).

Тематическую группу слов «посуда» образуют лексемы *миса* ‘миска, блюдо, чаша’, *полмиска* ‘блюдо’, *приставка* ‘соусник’¹. Общеславянское слово *миса* — это старое заимствование, по указанию Фасмера, из народнолат. *mēsa* ‘стол’, лат. *mēnsa* (МФ, т. 2, 627). Словообразовательное гнездо с корневым компонентом *-мис-* было исследовано С. В. Ерохиным², где автор, в частности, сравнивает лексемы

¹ «Или не вѣдаеш, иж в тых многих *мисах*, *полмисках*, *приставках*, чорных и шарых, чирвоных и бѣлых юах, и многих *скляницах*, и келишкох, и винах мушкателах, малмазиях, алякантох, ревулах, медох и пивах розмаитых тот смысл еще мѣста не имае?» (31).

² Ерохин С. В. Словообразовательное гнездо с вершиной *мис(a)* в русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 9. Ч. 1. С. 61-66.

миса и *полмиска* и отмечает, что лексема *полмиска* (*полмисок*) не фиксируется в исторических словарях русского языка, но отмечается в диалектных словарях и встречается в западных говорах русского языка — смоленских, курских, калужских и брянских. Ерохин указывает, что эта лексема является украинизмом, затем ставшим диалектизмом в русском языке. Лексема *приставка* не фиксируется ни в одном из используемых нами словарей в значении ‘соусник’ (в СРЯ — со значениями ‘пристройка’ (1649 г.), ‘вставка’ (1696 г.), ‘приставной столик’ (1566 г.), вып. 20, 28-29), однако ее общеславянское происхождение отмечается у Фасмера (МФ, т. 3, 742). Возможно, Вишенский здесь имел в виду блюдо, «приставляемое» к основному, которому Еремин дал в своем «Словаре» определение ‘соусник’.

Видно, что в составе тематических групп существительных, функционирующих в синтаксических конструкциях «нанизывания» и самостоятельно в тексте «Книжки», лексемы, выступающие как синонимы, имеют разное происхождение. Заимствования из латинского, итальянского, немецкого языков, полонизмы, украинизмы, общеславянизмы, русизмы и, наконец, простомовные слова равноправно употребляются в пределах тематических групп и в целом в тексте «Книжки», что свидетельствует об исключительном разнообразии языковых средств, используемых Вишенским, его писательском мастерстве и обширном словарном запасе. Употребление писателем заимствований при назывании реалий своего времени и использование многочисленных синонимов подтверждает тот факт, что Вишенский был хорошо знаком с бытом Западной Руси и Речи Посполитой.

2.7. Словообразовательная характеристика имен существительных

Функционирование в тексте «Книжки» словообразовательных гнезд, рассмотрение специфики их употребления и состава дают ценный материал при исследовании языковых особенностей произведения Вишенского. Частотность употребления однокоренных слов с тем или иным значением

свидетельствует о пристальном внимании автора к описываемой «сфере» жизни. Функционирование всех выделенных словообразовательных гнезд в тексте объясняется содержанием «Книжки» и ее жанровой спецификой. Необходимо отметить, что в произведении прослеживается тенденция усложнять и обогащать словообразовательные гнезда однокоренными словами. Вишенский, как видно из текста, возвращается к определенному набору корней снова и снова, пытаясь точнее выразить свою мысль однокоренными словами, образуя окказионализмы, которые обращают на себя внимание читателя и запоминаются. Частотность использования автором некоторых корней также обладает прагматической функцией.

Приведем лексемы, входящие в состав словообразовательных гнезд с корневым компонентом *-благ-* (1), *-блазн-/блажн-* (2), *-бог-* (3), *-влад-/власт-* (4), *-вѣр-* (5), *-зл-* (6), *-крест-* (7), *-л(ь)ст-/льщ-* (8), *-мир-* (9), *-мудр-* (10), *-прав-* (11), *-свят-/свящ-* (12), *-хитр-* (13):

1. *благо, благовѣрие, благоговенство, благодарение, благодать, благословение, благочестие;*
2. *блазен ‘дурак, шут, скоморох’, блазенство ‘дурачество, шутовство, глупость’, блазнитель ‘обманщик, мошенник, соблазнитель’, неблажнене, несъблажнене, съблазнь;*
3. *безбожие, безбожность, бог, боголюбец, богомолец, [Иоанн] Богослов, богословие, богоугодник, богоугождение, б о ж е с т в о , н а б о ж е н с т в о ‘богослужение, литургия’ (пол. *nabożeństwo*; СРЯ, вып. 10, 20);*
4. *владность ‘власть, право, сила’, владыка, властелин, власть, грошовладатель, самовластие¹;*
5. *безвѣрие, безвѣрство, благовѣрие, вѣра, зловѣрие, иновѣрец, невѣрие, правовѣрие;*
6. *беззлобие, зло, злоба, зловѣрие, злодѣй, злоересь, зложитие, злонравие, злонравствие, незлобие;*

¹ Семантически к этой группе слов примыкают лексемы *началство* и *преложенство* ‘начальство; власть; настоятельство’.

7. *крест, Креститель, крестоношене, крещение, крещеный, нововыкрещенец;*

О. И. Левицкий предполагал, что под *нововыкрещенцами* Вишенский подразумевал антитринитариев (приверженцев ереси, отрицавших догмат о Троице)¹. И. И. Огиенко придерживался другой точки зрения: по его мнению, писатель таким образом обозначал социниан² (представителей разновидности унитариянства — рационалистического движения в протестантском богословии, отрицавшего догмат о Троице и таинства).

8. *лестец, лесть, прелестник, прелесть, прелещенность;*

9. *мир, миродръжец³, миролюбие, мирянин, смирение;*

10. *грътаномудрець, мудрець, мудрование, мудрость, премудрость, скачомудрець(а), цѣломудрець, а также премудрый / Премудрий ‘дьявол, сатана’;*

Окказионализм Вишенского *грътаномудрець* (наравне с однокоренными окказионализмами *грътановстек* ‘горлопан’ и *грътаноигратель* ‘укр. базіка (БН, 49)— болтун, пустомеля’) отмечается в СУМ (вып. 7, 103) в значении ‘пустомеля’. Интересно функционирование в тексте «Книжки» лексем *Премудрий* и *премудрость*: *Премудрий* — это дьявол, а *премудрость* — это божественная мудрость, божественное знание, благоразумие⁴. Лексема *скачомудрець(а)* — это еще один окказионализм Вишенского. Предполагаемое значение этого слова на основании контекста, в котором оно употребляется⁵, — это ‘искушенный в езде возница, умелый наездник’. Слово может быть общего рода (*скачомудреца* по

¹ Левицкий О. И. Социнианство в Польшѣ и Юго-Западной Руси // Киевская старина. № 4 К., 1882. Т. 2. С. 25-57.

² Огиенко І. І. Реформація в Україні // Українська церква: Нариси з історії Української Православної Церкви: У 2 т.: Т. 1-2. К.: Україна, 1993.

³ Эта лексема функционирует в тексте «Книжки» только в составе номинации *диавол-миродръжець*, который держит в своей власти земной *мир*.

⁴ «”Во злоковарную же душу, — рече *Премудрий*, — не внидет *премудрост*”, што нынѣ латинская злоковарная душа, ослѣпленная и насыщенная поганскими тщеславными и гордыми догматы, страждет, которая божие *премудрости* и разума духовного, смирения, простоты и беззлобиа вмѣстити никакож не можетъ» (23).

⁵ «Албо мнимаеш, иж ты от псих пастырев, мысливцов или водовозов, возниц или *скачомудрець*, кухаров или пирогахитрець-пекаров што о богословии навыкл?» (36)

аналогии с *возница*) или мужского рода (*скачомудрец*). По данным исторической грамматики украинского языка, оба варианта являются возможными¹.

11. *исправление, неправда, несправедливость, поправа* ‘разг. к укр. *виправлення*, *исправление*’ (АГГ, 362), *правда, правило, право, правовѣрие, православие, православный, справа* ‘дело; возможность справиться с кем-либо, управа’ (Е), *справедливость*;
12. *святой, святой дух, Святой Спас (Горы Святого Спаса), святость, священство, священник, священноинок* ‘монашествующий священник, иеромонах’, *священство*;
13. *дарохитрство* ‘нечистое, коварное дарование’ (‘лукаве, підступне обдарування’; СУМ, вып. 7, 179)², *пирогохитрец* (в составе двойного наименования *пирогохитрец-пекар*³), *прехитрня, хитрец, хитрость*.

Как видно из представленных лексем, в составе словообразовательных гнезд функционируют слова, различающиеся по стилистической окраске и происхождению. Существование именно таких лексических единств объясняется общей богословской направленностью «Книжки» и тематикой ее отдельных глав.

Среди продуктивных словообразовательных моделей, используемых Вишенским, интересно образование абстрактных понятий при помощи приставок *без-* и *бес-*: *безаконие, безбожие, безбожность, безвѣрие, беззлобие, безстудие, безумие, безхвалие, безчестие, бесплодие, бессмертие*. Таким способом писатель с легкостью образовывает антонимы к уже названным в тексте понятиям, характеризуя прегрешения своих

¹ Жовтобрюх М. А., Волох О. Т., Самійленко С. П., Слинко І. І. Історична граматики української мови. Підручник. Київ: Вища школа, 1980. С. 126-127, 133-134.

² Даш ми зась, диаволе, ремесльником хитрым и славным быти... грошики собѣ зберу, фолварки поуплю, домок приоздоблю. Што ж за пожиток с того всего твоего *дарохитрства*, коли я простоты Иисусовы навикнути не могу (15).

³ «Албо мнимаеш, иж ты от псих пастырев, мысливцов или водовозов, возниц или скачомудрец, кухаров или *пирогохитрец-пекаров* што о богословии навикл?» (36)

идеологических противников и добродетельное поведение православного инока. Сходный ряд лексем образован при помощи отрицательной приставки *не-*: *невѣтность* ‘неумение, неловкость; необразованность’, *невѣрие*, *незлобие*, *некрасота*, *неосторожность*, *неохендозство* ‘неопрятность’, *неправда*, *несмыслство*, *несправедливость*, *несталость* ‘отсутствие постоянства, крепости, непоколебимости’, *несъблаженне*, *несытство*, *нечестие*, *нечистота*.

Для выражения оценки по отношению к описываемым предметам и явлениям и в целях экспрессии Вишенский употребляет диминутивы. При образовании таких слов автором используются суффиксы *-ик-*, *-иц-*, *-к-*, *-ок-*. Пейоративное значение имеют слова *грамматичка*, *косичка*, *рыторичка*, *славица*, *тытулок*, в которых выражается авторское презрение к «латынскому» образу жизни и внешнему виду «латынника». В словах *кгрунтик* ‘основа; земля, почва’, *грошик*, *домок*, *землица* одновременно выражается как ласковое отношение «пана» к земным богатствам, так и пренебрежительная оценка их Вишенским. Благоговейное отношение автора к быту православного инока и его образу жизни заметно в словах *зелийце*¹ ‘вино (при совершении причастия)’, *коморка* ‘маленькая комната, горница; чуланчик, кладовая’, *кутик* ‘уголок, закуток’². В выражении «...сию же термину [термину о лжи, «Книжку»], начисто преведши, и иным всѣм знати о том дайте, понеж не о *лычко* или о *ременец* идет, але о цѣлую кожу, се ест о спасение душ наших и да не погибнем и дочасне и вѣчне от бога жива» (8) диминутивы *лычко* и *ременец* как части целого противопоставляются *цѣлой коже*, что иллюстрирует значимость произведения Вишенского для читательской аудитории и силу желаемого для автора воздействия «Книжки» на умы соотечественников. Конкретная семантика этих лексем условна, так

¹ «Нѣколи же, — рече, — царская многосмышленная трапеза так мя не усолодила и во любовный насыток не пришла, яко ж твой [Господень] сухой хлѣб и тое *зелийце*, честный отче!» (33).

² «Што ж ми за пожиток з многих фолварков и оздоб домку, коли я красных дворов горняго Иерусалима не узрю и не во едином *кутику* в оном посидѣти не сподоблюся» (15).

как Вишенский создает при использовании этих диминутивов развернутую метафору¹.

Диминутив *узлик* ‘узелок, маленький узел’ употребляется в тех контекстах, где Вишенский, обращаясь к своему противнику, доказывает отдельные положения православной веры: «Але потрѣпи мало, я тобѣ тот *узлик* короткими словы розвяжу» (27); «На тоє ти коротко отповѣм и тот *узлик* скоро розвяжу» (32); «Але потрѣпи: тот *узлик* хитросвязаный радою божею тобѣ розвяжу» (33). Такая речевая формула маркирует начало подробной богословской аргументации. Под *узником* Вишенский подразумевает непонимание «паном» как «символа» православной веры, так и отдельных ее положений, недоразумение, спорный вопрос, который всегда следует в тексте после риторического вопроса «латынника», заданного от лица автора.

Лексема *книжка*, название произведения Вишенского, как нам кажется, может трактоваться двояко. С одной стороны, *книжка* — это диминутив к слову *книга*, поэтому «Книжка» Вишенского — это маленькая книга, «скромная» номинация, которую дает автор своему незначительному сочинению, состоящему к тому же из *листочков*². Уничижительная позиция автора, отраженная в названии, и понимание им значимости своего произведения, выраженное в предисловиях, создают определенный контраст. Кроме того, диминутивное название сочинения Вишенского выражает преемственность между «Книжкой» и острожской «Книжицей», о которой мы говорили в параграфе 2.1. С другой стороны, в современном украинском языке *книжкой* называется любая книга, а *книгой* — книга преимущественно более значительная по объему или важности (АГГ, 396). Формы *книжка*, *книжъка*, *кныжка* приводятся в качестве графических вариантов к украинскому *книжка* ‘окремий друкований твір, праця’ (‘отдельное печатное

¹ О метафорическо-символическом стиле посланий Вишенского писал, в частности, П. К. Загайко (Загайко П. К. Идейно-художественные особенности украинской полемической литературы конца XVI – начала XVII вв.: автореф. дис. на соиск. ученой степени канд. филол. наук. К., 1967. С. 11.).

² «О чину прочитання сего писання»: «Третие, не обременяти слухи немощных многотчением, но власт тридесят или болше *листочков* прочитати, та же кончати и, закладку заложивши, на другий поранок слухачов на таковий же пир и чест духовную просити» (9).

произведение, труд') в СУМ (вып. 14, 142). Разница в современных значениях слов *книга* и *книжка* подтверждается в СУМ-11 (т. 4, 196-197). Таким образом, лексема *книжка* может и не функционировать у Вишенского как диминутив, однако «диминутивное» ее происхождение представляется очевидным.

Кроме уменьшительно-ласкательных и уменьшительно-пренебрежительных форм, Вишенский также использует аугментативы — увеличительно-усиливающие формы слов с суффиксом *-ищ*, например, *поас* — *поасище*, *черевик* — *черевичище*, *чобот* / *чоботы* — *чоботища* 'сапоги с короткими голенищами'. Эти лексемы употребляются автором при описании внешнего вида православного монаха, который не заботится о своем теле, неопрятно выглядит, однако беспокоится о спасении своей души, в отличие от католического священника, который ходит, «перекривляючи макгерку то на той, то на сей бок, шию напяливши, як индийский кур», «выструганный, мылом вышарованный и вымаклеванный» и «водлуг тѣла живет и мудрует» (26, 27).

2.8. Композиты как сюжетобразующие элементы текста

Среди сложных слов (композигов), употребляемых Вишенским в тексте «Книжки», встречаются как узувальные, так и окказиональные лексемы. Последние являются по большей части гапаксами, которые лучше всего отражены в СУМ и снабжаются грамотно сформулированным значением. В задачи настоящего исследования не входит подробное рассмотрение словообразовательных типов при образовании сложных слов и их частеречной базы; более тщательный словообразовательный анализ сложных существительных можно найти, например, в исследованиях

С. А. Авериной¹, Ю. С. Азарх², Н. Х. Низаметдиновой³. Ниже мы проанализируем функционирование композитов разных типов в тексте «Книжки» и выясним закономерности их употребления.

Среди узуальных композитов СЛОВАРИ встречаются, например, лексемы *благовѣрие*, *благодарение*, *богоугодник*, *боголюбец*, *богословие*, *добронравие*, *зловѣрие*, *зложитие*, *лихоимство*, *миролюбие*, *многочтение*, *правовѣрие*, *тщегласие*. Слова абстрактной семантики функционируют в тексте «Книжки» как словообразовательные церковнославянизмы в силу своего строения, традиционного набора корней и религиозной тематики. В авторском предисловии «Ко прочитателю наединѣ сего писаня» при использовании композитов Вишенским обыгрывается известный библейский сюжет. Автор пишет: «Мой ест даскал простак [Иисус Христос], але от всѣх мудрѣйший, который безкнижных упремудряет; мой даскал простак, который *рыболовци* в *человѣколовци* претворяет; мой даскал, который простотою философы посмѣвает; мой даскаль, который смирением грьдость потлумляет» (10). В этом контексте Вишенский ссылается на известное обращение Христа к Петру и Андрею: «Идите за Мной, и Я сделаю вас ловцами человеков» (Евангелие от Матфея, 4:19). Однако в разночтениях к изданию сочинений Вишенского Еремин фиксирует лексему *человѣколюбцы* вместо *человѣколовци* (по данным рукописи РНБ собр. Толстого), что, на наш взгляд, свидетельствует о том, что автор, используя вариацию композита, создал тройной ряд слов *рыболовци* — *человѣколовци* — *человѣколюбцы*, связанных друг с другом в морфемном отношении. Как кажется, Вишенский развил известный библейский сюжет и расширил метафору, используя ее затем в аргументации своих доводов в составе антонимичных конструкций, характеризующих фигуру Христа.

¹ Аверина С. А. Сложные слова в языке XII в. // Древнерусский язык домонгольской поры. Межвузовский сборник. / Отв. ред. В. В. Колесов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.

² Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984.

³ Низаметдинова Н. Х. Словообразование сложных слов в русском языке XI - XVII вв.: автореф. дис. на соиск. ученой степени докт. фил. наук. М., 2003.

Композиты, употребляемые автором в тексте «Книжки», могут функционировать и как церковнославянизмы, и как авторские новообразования со сниженной окраской. Последние обычно формируют обширные градационные конструкции, как, например, в следующем отрезке, который часто рассматривается в научных работах, посвященных исследованию риторической организации текста Вишенского: «Також и межииноки: в доспѣянню на звытяжство того чрева мало их ест. Тому не дивуйся, абовѣм подвиг и борба ест жизнь тая, которое ты не знаеш, бо еще еси на войну не выбрався, еще еси доматур, еще еси *кровоед, мясоед, вѣлоед, скотоед, звѣроед, свиноед, куроед, гускоед, птахоед, сытоед, сластноед, маслоед, пироноед*; еще еси *периноспал, мяккоспал, подушкоспал*; еще еси *тѣлогодник*; еще еси *тѣлолюбител*; еще еси *кровопрагнител*; еще еси *перцолубец, шафранолубец, имберолубец, кгвоздиколубец, кминолубец, цукролубец* и других бреден *горко- и- сладколубец*; еще еси *конфакттолубец*; еще еси *чревобѣсник*; еще еси *грѣтановстек*; еще если (!) *грѣтаноигрател*; еще еси *грѣтаномудрец*; еще еси детина; еще еси младенец; еще еси млекопий, — яко же ты хочеш бѣду военника, бѣючогоя и боручогоя, у цицки матернее дома сидячи, розсудити?» (38). В этом небольшом отрывке текста Вишенский употребил 32 разнообразных композита-атрибута, каждый из которых отрицательно характеризует быт «латынника». А. Белых отмечал¹, что при создании окказионализмов Вишенский обычно использует словообразовательные модели типа «сущ. + глаг. + *-тель*» и «сущ. + глаг. + *-ник*», которые служат базой для формирования сложных существительных яркой социальной окраски. Ранее на такие номинации обращала также внимание Т. В. Савела². Отличительной чертой стиля писателя в области словообразования, как полагал

¹ Білих О. Словотвірна структура складних слів у мові творів Івана Вишенського // Наукові записки. Вип. 30. Серія: Філологічні науки (мовознавство). Кіровоград: РВЦ КДПУ ім. В. Винниченка, 2000. С. 156.

² Савела Т. В. Нульсуфіксально-складні іменники з субстантивно-вербальними основами в історії української мови // Вісник Запорізького державного університету (Філологічні науки). № 1. Запоріжжя: Запорізький державний університет, 1999. С. 120.

О. Ф. Ставицкий¹, является именно такое нагромождение однотипных морфем в составе сложных слов, выражающих синонимические понятия. За счет описания личности идеологического противника Вишенского с самых разных сторон образ «латынника» становится «выпуклым». Д. С. Менделеева, называя этот пассаж «раблезиански-причудливой характеристикой униата», отмечает, что даже изображения никонианских пиров, выполненные протопопом Аввакумом, по сравнению с образами Вишенского «выглядят слабыми ученическими подражаниями»². Действительно, разнообразие используемых автором композитов и их обиходный характер поражают читательское воображение и составляют важную особенность языкового творчества писателя.

Л. Махновец³ ранее всех исследователей отметил реалистическую основу «каталогов» Вишенского. Порядок следования и «накопления» авторских неологизмов, по его мнению, не произволен, как может показаться на первый взгляд, а представляет собой чередование блюд на пиру, очередность их поедания. Все начинается с перечисления различных видов мяса и дичи, затем следует общая характеристика униата (*сытоед*, *сластноед*), наконец, в последнюю очередь «пан» называется *маслоедом* и *пирогоедом*. Таким образом, *пирог*, *пирогоедство* и *пирогохитрство* для Вишенского представляются наивысшей степенью телесного и духовного падения униата и вызывают у автора наибольшее отвращение. Возможно, однако, что *пирог* в данном контексте являются символом богатства и

¹ Ставицкий О. Ф. Коментар до «Енеїди» Івана Котляревського та його історія. К.: Радянська школа, 1989. Как предполагает исследователь, Иван Котляревский мог создавать текст своей «Енеїды» (1798-1842), опираясь на традиции староукраинской литературы и пользуясь разнообразием авторских неологизмов сатирического характера и слов обиходной семантики в том числе у Вишенского.

² Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 12 / Ин-т мировой литературы РАН; Об-во исследователей Древней Руси. Отв. ред. Д. С. Менделеева. М.: Знак, 2005. (Studia Philologica) С. 264.

³ Махновець Л. Є. Сатира і гумор української прози XVI-XVIII ст. Відп. ред. М. К. Гудзія. К.: Наукова думка, 1964. (Ін-т літ-ри АН УРСР). С. 184.

обилия южнорусской кухни, которое для Вишенского, монаха-аскета, было недоступно.

После высмеивания «рымлянина» в подобном вакхическом образе Вишенский обращается в другому его «амплуа»: после сытного обеда «латынник» становится *периноспалом*, *мяккоспалом*, *подушкоспалом*. Далее следует общая характеристика его сущности: он *тѣлоугодник*, *тѣлолюбител* и *кровопрагнител*. На примере последнего композита Вишенский ясно показывает, как быстро человек, потакающий страстям, может превратиться в «желающего крови» (от *прагнути* ‘хотеть, желать, жаждать’), воинственного католика. Затем Вишенский, как будто забыв упомянуть что-то, снова возвращается к описанию гастрономических «прегрешений» «рымлянина», уже характеризуя его предпочтения в специях, приправах и сладостях: он *перцолубец*, *шафранолубец*, *имберолубец*, *кгвоздиколубец*, *кминолубец*, *цукролубец*. Далее Вишенский делает обобщающее заключение — «и других бреден горко- и- сладколубец», показывая, что земные удовольствия неизменно оборачиваются горьким душевным разочарованием. Продолжая «тему сладостей», писатель характеризует униата как *конфакттолюбца* и *чревобѣсника*, после чего переходит к описанию других его негативных качеств. «Рымлянин» слишком много и искусно говорит; он *грѣтановстек*, *грѣтаноигрател* и *грѣтаномудрец*. Его *празднословница* (*рыторычка*) не приводит человека к простоте и постижению божественной истины, а лишь затемняет ее.

Вишенский заканчивает описание католического «воина» сравнением его с ребенком, связывая конец и начало своего пассажа однокоренными лексемами *доматур* ‘домашний человек, домосед’ и *дома* («у цицки матернее *дома* сидячи»), однако уже без использования композитов-окказионализмов. Таким образом, мы видим, как при помощи каскада сложных слов, морфемная структура которых усложняется к концу текстового фрагмента, Вишенский описывает пороки всего «латынского» общества. Автор начинает с описания простых телесных слабостей (еда, сон) и заканчивает

изображением опасных стремлений к украшению собственной речи и *многомовству*, что позволяет установить иерархию греховных, с точки зрения писателя, поступков и порочных привычек идеологического противника.

В градационных конструкциях образ «рымлянина» вырисовывается четко и эффектно. Однако характеристика «латынника» часто также дается в тексте «Книжки» через изолированное употребление композитов-окказионализмов, образованных по модели «сущ. + глаг. + суффикс, обозначающий деятеля». С помощью таких слов писатель характеризует своего противника по факту наличия у него того или иного предмета (чаще всего это предметы одежды). Таковы, например, лексемы *каптуроносец* ‘человек, носящий каптур, клобук’, *макгероносец* ‘человек, носящий венгерскую шапку’. Подобные наименования даются как отдельному человеку, так и целому «классу» людей. Видно, что идеологический противник у Вишенского может быть назван лишь по наличию у него предмета одежды, который, тем не менее, маркирует его религиозную и социальную принадлежность и характеризует, таким образом, его сущность. Подобное изображение «латынника» представлено не только в композитах, но и в простых словах, например, в лексеме *бачмажник* ‘человек, который носит башмаки’. В сложных словах в качестве второго (глагольного) компонента часто выступает корень *-нос-* (*дароносец, именоносец, каптуроносец, макгероносец, смъртоносец*). В качестве суффиксов, обозначающих деятеля, у Вишенского часто функционируют суффиксы *-ец* и *-тель*, на что ранее обращал внимание А. Белых¹. Они встречаются, например, в словах *гологлавец* ‘человек с голой (непокрытой) или выбритой головой’, *деснократец, шисусоругатель, нововыкрещенец, скачомудрец(а), скорогонец, сребролюбец*. Во всех подобных наименованиях выражается отрицательная оценка.

¹ Білих О. Словотвірна структура складних слів у мові творів Івана Вишенського // Наукові записки. Вип. 30. Серія: Філологічні науки (мовознавство). Кіровоград: РВЦ КДПУ ім. В. Винниченка, 2000. С. 157.

Таким образом, использование Вишенским как узуальных, так и окказиональных композитов важно при характеристике идеологического противника и богословской аргументации полемических доводов. Употребление ярких авторских новообразований имеет прагматическую функцию: Вишенскому важно сформулировать свою мысль максимально точно и полностью завладеть читательским вниманием. «Нескладность» придуманных слов не беспокоила автора: их оригинальность и прозрачная структура отвечали его теоретическим требованиям «простоты» и принципиального неследования латинской риторической традиции.

Заключение

В качестве результата исследования представлен систематизированный и классифицированный список лексем (имен существительных), составленный по материалу авторских предисловий и Глав 1, 2, 3, 7, 8, 9 «Книжки» Иоанна Вишенского. Данный корпус, оформленный в виде таблицы, является попыткой составления корпуса лексем на основании текстового материала, который мы планируем расширить впоследствии и дополнить новыми категориями для анализа (например, лексико-грамматической характеристикой слов) и данными из других глав «Книжки». Количество лексем, выделенное нами, составляет 1207, оно реализуется в 2108 словоупотреблениях.

Мы ограничились описанием лексем по 17 историческим и современным словарям русского, украинского, белорусского и польского языков и сделали предварительные выводы относительно языкового состава «Книжки» Вишенского. Основные семантические группы, выделенные при анализе лексического материала, таковы: это слова с абстрактной семантикой, военная лексика, лексико-семантические поля «светская власть», «духовная власть», «феодалное хозяйство», «грамотность и книжная культура», «греховный образ жизни», «праведный образ жизни».

Состав проанализированных лексем различен. Это имена нарицательные (1146) и собственные (61); собственно имена существительные (2099) и субстантиваты (9); простые (1109) и сложные (98) существительные. Слова различаются и по своей частотности: наиболее употребительны лексемы *бог* (98), *вѣра* (73), *инок* (52), *мир* (51), *дьявол* (41), *вѣк* (37), *житие* и *Христос* (по 29), *пожиток* 'польза, прибыль' (28), *царство* (27), *земля*, *прелесть* и *мысль* (по 26), *смерть* (25), *жизнь* и *дух* (по 24, *святой дух* — 18), *живот* и *христианин* (по 23), *разум* и *церковь* (по 21), *тѣло* и *глас* (по 20). Это распределение обусловлено, с одной стороны, жанровой принадлежностью сочинений Вишенского, с другой стороны, содержанием проанализированных глав. Графические варианты

существительных также описаны в исследовательской главе. Были выявлены и описаны лексемы наиболее продуктивных словообразовательных моделей: слова абстрактной семантики с суффиксами *-ениј-* и *-ниј-*, диминутивы, аугментативы, слова с отрицательными приставками *без-*, *бес-* и *не-*, узувальные и окказиональные (авторские) композиты.

Лексикографические фиксации отдельных лексем были приведены в исследовательской главе в составе лексико-семантических групп, семантико-словообразовательных гнезд и синонимических конструкций «нанизывания». Было охарактеризовано стилистическое и генетическое своеобразие языка писателя, прокомментированы и соотнесены с данными исторических словарей отдельные авторские новообразования. В работе были отмечены книжные и живые разговорные элементы, наблюдающиеся в корпусе имен существительных, было отмечено равноправное использование стилистически и генетически различных слов, были охарактеризованы заимствования из польского, латинского, немецкого и древнегреческого языков.

На основании лексического анализа и с учетом авторской позиции писателя, которая подтверждается на материале, мы можем высказать предположение, что Вишенский идеологически принадлежал традиции московской литературной школы с ее вниманием и уважением к церковнославянскому языку (такова позиция Б. А. Успенского), а не традиции юго-западных книжников, которые подчеркивали достоинство (*dignitas*) «простой мовы». Однако лексический анализ только одной части речи (имени существительного) показывает, что для выражения своей позиции Вишенский использует далеко не церковнославянский язык. Язык рассмотренных глав «Книжки» можно смело охарактеризовать как простую мову: здесь возможны стилистические «переводы» из книжной церковнославянской или общеславянской лексики в живую разговорную (староукраинскую), наблюдается большое число заимствований из разных языков, отмечается значительное использование староукраинских и

старобелорусских слов. Собственно литературный тип языка Вишенского позволяет варьировать употребление различных («высоких» и «низких») языковых средств в зависимости от контекста. Мы часто можем видеть у Вишенского примеры резкой смены соответствующих языковых контекстов, что усиливается катехизисной формой изложения доводов православного инока, риторическими приемами синтаксической анафоры, использованием конструкций синонимического «нанизывания», употребляемых в стиле «плетения словес».

Лексическое разнообразие средств в языке Вишенского свидетельствует о стремлении автора к максимально точному изображению своей мысли, хотя изначально это может показаться сугубо «латынским» риторическим приемом украшательства речи, который писатель обличал и осуждал. Одно из наибольших противоречий в языке писателя — внешняя синтаксическая сложность и почти барочная запутанность как средство «простого» убеждения и яркой характеристики своей мысли — было рассмотрено в работе на лексических примерах в ходе описания разных сторон жизни католиков или униатов и их внешнего облика. Таким образом, лексический анализ только одной части речи (имя существительное) позволяет сказать, что текст «Книжки» сочетает в себе и элементы книжности, и народно-разговорные слова, что не может не говорить в пользу своеобразной эклектичности языка Вишенского. Эта эклектичность характеризует авторскую позицию (а значит, является оправданной и понимаемой самим писателем) и идиостиль полемиста. Изучение подобных «Книжке» текстов представляется важным для истории русского литературного языка, так как выводы, полученные в ходе анализа корпуса лексем, могут быть применимы к характеристике одного из ведущих типов литературы Юго-Западной Руси XVI-XVII вв. — полемической литературы, написанной на простой мове. В перспективы настоящего исследования входят задачи, во-первых, фронтального лексикографического рассмотрения лексики «Книжки» по историческим словарям разных славянских языков, во-

вторых, более глубокого ознакомления с источниками описания лексической системы простой мовы на украинском языке и, в-третьих, сопоставления лексического состава простой мовы с лексическим составом великорусского языка, отраженного в памятниках письменности Московской Руси и словарях.

Список использованной литературы:

Источник:

1. Иван Вишенский. Сочинения / Подг. текста, ст. и ком-и И. П. Еремина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.

Словари:

1. АГГ — Анніна І. О., Горюшина Г. Н., Гнатюк І. С. та ін. Російсько-український словник (160 тис. слів) / За ред. В. В. Жайворонка. К.: Абрис, 2003;
2. БН — Білецький-Носенко П. П. Словник української мови. Підготував до видання В. В. Німчук / АН УРСР, Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні. К.: Наукова думка, 1966;
3. Е — Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000 [сайт]. URL: <http://www.efremova.info/> (дата обращения: 20.05.17);
4. ЗС — Зведений словник застарілих та маловживаних слів [сайт]. URL: <http://litopys.org.ua/rizne/zvslovnyk.htm> (дата обращения: 20.05.17);
5. ЛЗ — «Лексис» Лаврентія Зизанія. Синоніма славеноросская / Підг. текстів пам'яток і вступ. ст. В. В. Німчука. К.: Наукова думка, 1964;
6. МС — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. СПб.: Типография Императорской АН, 1893-1912;
7. МФ — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 1-4. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд., стер. М.: Астрель: АСТ, 2009;
8. ПБ — «Лексикон славеноросский альбо имен толкование» Памви Беринди / Підг. тексту і вступ. ст. В. В. Німчука. К., 1961;
9. СРЯ — Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-29. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М.: Наука, 1975-2008;
10. СС — Słownik staropolski. Warszawa: Polska akademia nauk, 1953. Т. 1-11 АВТОРЫ?;
11. ССУМ — Словник староукраїнської мови XIV-XV ст.: у 2 т. / Укл. Д. Г. Гринчишин, У. Я. Єдлінська, В. Л. Карпова, І. М. Керницький, Л. М. Полюга, Р. Й. Керста, М. Л. Худаш. К.: Наукова думка, 1977-1978. Т. 1-2;

12. ССЯ — Словарь старославянского языка. Репр. изд.: в 4 т. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006 Писать, что изначально издавала Чешская АН?;
13. СУМ — Словник української мови XVI - першої половини XVII ст.: у 28-ми вип. / відп. ред. Д. Гринчишин; укладач О. Кровицька. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2008;
14. СУМ-11 — Словник української мови: в 11 тт. / АН УРСР. Інститут мовознавства; за ред. І. К. Білодіда. К.: Наукова думка, 1970-1980;
15. ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т.1-13. / Уклад. М. Я. Абрагімовіч [і інш.]; гал. рэд. Г. А. Цыхун. Мінск: Навука і тэхніка, Беларус. Навука, 1978-2010;
16. ЭСУМ — Етимологічний словник української мови: В 7 т. / АН УРСР, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні; Редкол.: О. С. Мельничук (головний ред.) та ін. К.: Наукова думка, 1982-1985.

Научная литература:

1. Аверина С. А. Сложные слова в языке XII в. // Древнерусский язык домонгольской поры. Межвузовский сборник. / Отв. ред. В. В. Колесов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.
2. Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984.
3. Білих О. Словотвірна структура складних слів у мові творів Івана Вишенського // Наукові записки. Вип. 30. Серія: Філологічні науки (мовознавство). Кіровоград: РВЦ КДПУ ім. В. Винниченка, 2000.
4. Білецький О. І. Полемічна література. Іван Вишенський // Білецький О. І. Зібрання творів у 5 томах. К.: Наукова думка, 1965. Т. 1.
5. Вишенський І. Твори / З книжної української мови перекл. В. Шевчук; передм. і приміт. В. Шевчука. К.: Дніпро, 1986.
6. Возняк М. Історія української літератури. Львов, 1921. Т. 2.
7. Гарбуль Л. П. «Простая мова» как проводник польского влияния на русский приказный язык второй половины XVI – первой половины XVII в. // Slavistica Vilnensis. Vilnius, 2008. P. 192-198.
8. Гардзанити М. «Учительское Евангелие» Мелетия Смотрицкого в контексте церковнославянской традиции евангельской гомилетики и проблема перевода Евангельских чтений // Traduzione e rielaborazione nelle letterature di Polonia Ucraina e Russia XVI-XVIII secolo. Alessandria, 1999.
9. Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 12 / Отв. ред. Д. С. Менделеева. М.: Знак, 2005. (Studia Philologica)
10. Голубев С. Архив Юго-Западной России. Ч. 1. К., 1887. Т. VII.
11. Грицай М. С. Народное поэтическое творчество и развитие жанров древней украинской литературы (XVII-XVIII ст.): автореф. дис. на соиск. ученой степени доктора фил. наук. К., 1970.

12. Грушевський М. С. Історія української літератури: в 6 т. 2 кн. / Упоряд. В. В. Яременко; авт. передн. П. П. Кононенко; приміт. Л. Ф. Дунаєвської. К.: Либідь, 1993. («Літературні пам'ятки України»). Т. 5.
13. Грушевський М. С. Історія України-Руси: в 11 т., 12 кн. / Редкол.: П. С. Сохань (голова) та ін. К.: Наукова думка, 1991. (Пам'ятки іст. думки України). Т. 5.
14. Гумецкая Л. Л. Вопросы украинско-белорусских языковых связей древнего периода // Вопросы языкознания. № 2. М., 1965.
15. Довнар-Запольский М. В. История Белоруссии. Минск: Беларусь, 2005.
16. Еремин И. П. Иван Вишенский и его общественно-литературная деятельность // Иван Вишенский. Сочинения / Подг. текста, ст. и ком-и И. П. Еремина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.
17. Ерохин С. В. Словообразовательное гнездо с вершиной *мис(а)* в русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 9. Ч. 1.
18. Житецкий П. И. Литературная деятельность Иоанна Вишенского // Киевская старина. Киев, 1890. № 6.
19. Житецкий П. И. Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII и XVIII вв. Киев, 1889. Вып. 1.
20. Жовтобрюх М. А., Волох О. Т., Самійленко С. П., Слинько І. І. Історична граматика української мови. К.: Вища школа, 1980.
21. Загайко П. К. Идеино-художественные особенности украинской полемической литературы конца XVI – начала XVII вв.: автореф. дис. на соиск. ученой степени канд. филол. наук. К., 1967.
22. Иванов В. В. Славянские диалекты в соотношении с другими языками ВКЛ // XIII международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М.: «Индрик», 2003.
23. Именное склонение в славянских языках XV-XVI вв. Лингвостатистический анализ / Отв. редакторы: Н. А. Мещерский, А. С. Герд. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
24. Иоанн Вишенский // Православная Энциклопедия. Т. XXIII. М., 2011. С. 387-400.
25. Иван Огієнко (Митрополит Іларіон). Історія української літературної мови / Упоряд., авт. іст.-біогр. нарису та приміт. М. С. Тимошик. К.: Наша культура і наука, 2001. (Видавничий проект Фондації імені митрополита Іларіона (Огієнка) "Запізніле вороття")
26. Історія української літератури в двох томах. К.: Вид-во Академії Наук УРСР, 1954. Т. 1 (дожовтнева література).
27. Історія української мови. Лексика і фразеологія / відп. ред. В. М. Русанівський, Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні НАН України. К.: Наукова думка, 1983.
28. Камчатнов А. М. Страница из истории борьбы за церковнославянский язык // Ежегодная богословская конференция православного Свято-Тихоновского богословского института. М., 1997.

29. Карский Е. Ф. Западнорусские переводы Псалтири в XV-XVII веках. Варшава, 1896.
30. Карский Е. Ф. Что такое древнее западнорусское наречие: отд. оттиск из «Трудов IX археологического съезда в Вильне». М., 1893.
31. Крымский А. Е. Иоанн Вышенский, его жизнь и сочинения // Киевская старина. Киев, 1895. №10.
32. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.
33. Кудрицький Є.М. Іван Ужєвич — український граматист XVII ст. і його праця // Мовознавство. № 1. К., 1970.
34. Левицькій О. Соцініанство в Польшѣ и Юго-Западної Руси // Киевская старина. № 4 Киев, 1882. Т. 2.
35. Лескинен М. В. Етноконфессіональна проблематика в творчестві Івана Вишенського // Исследования по истории Украины и Белоруссии. Вып.1. М., 1995.
36. Львов А. С. Лексика «Повести временных лет» / Институт русского языка АН СССР. М.: Наука, 1975.
37. Львов А. С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М.: Наука, 1966.
38. Махновець Л. Є. Сатира и гумор української прози XVI-XVIII ст. Відп. ред. М. К. Гудзія. К.: «Наукова думка», 1964. (Ін-т літ-ри АН УРСР).
39. Мирон (И. Франко). Иоанн Вишенский (Новые данные для оценки его литературной и общественной деятельности) // Киевская старина. Киев, 1889. № 4. Приложения.
40. Мозер М. Что такое «простая мова»? // Studia Slavica Hungarica. Budapest, 2002.
41. Мойсиенко В. М. Етноязыковая принадлежность «русской мовы» во времена Великого княжества Литовского и Речи Посполитой // Славяноведение. № 5. М., 2007.
42. Мякишев В. «Мовы» Великого княжества Литовского в единстве своих противоположностей // Studia Russica. XVIII. Budapest, 2000.
43. Назаревский А. А. Язык Евангелия 1581 года в переводе В. Негалевского // Университетские известия. К., 1911. Кн. 8, 11, 12.
44. Низаметдинова Н. Х. Словообразование сложных слов в русском языке XI-XVII вв.: автореф. дис. на соиск. ученой степени докт. фил. наук. М., 2003.
45. Нимчук В. В. «Синоніма славеноросскаа» — пам'ятка давньої української лексикографії [сайт]. URL: <http://litopys.org.ua/zyzlex/zyz69.htm> (дата обращения: 20.05.17).
46. Огієнко І. І. Реформація в Україні // Українська церква: Нариси з історії Української Православної Церкви: У 2 т.: Т. 1 – 2. К.: Україна, 1993.
47. Охрименко П. П., Пильгук И. И., Шлапак Д. Я. История украинской литературы. Краткий курс. Пособие для студентов-филологов по литературе народов СССР / Под ред. Е. С. Шаблиовского. М.: Просвещение, 1969.

48. Пінчук С. П. Иван Вишенський. Літературний портрет. К., 1959.
49. Паславський І. В. З історії розвитку філософських ідей на Україні в кінці XVI – першій третині XVIII ст. К., 1984.
50. Петрушко В. П. Православие в Западной Руси после заключения Брестской унии [сайт]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/archiv/zaprusprav.htm> (дата обращения: 20.05.17).
51. Русанівський В.М. Історія української літературної мови. Підручник. К.: АртЕк, 2001.
52. Русская Галиция и «мазепинство». М.: Имперская традиция, 2005.
53. Савела Т. В. Нульсуфіксально-складні іменники з субстантивно-вербальними основами в історії української мови // Вісник Запорізького державного університету (Філологічні науки). № 1. Запоріжжя: Запорізький державний університет, 1999.
54. Смирнова Е. А. "Проста мова" как лингвистический феномен Великого княжества Литовского (на лексическом материале *Евангелия Тяпинского* в сравнении с *Острожской библией*) // Slavistica Vilnensis. Kalbotyra 54 (2). Vilnius, 2009.
55. Смирнова Е. А. Проста мова // Русская речь (Из истории культуры и письменности). № 3. М., 2009.
56. Соболевский А. И. История русского литературного языка. Л., 1980.
57. Соловьев С. М. О некоторых рукописях и редких печатных сочинениях XVI и XVII века, относящихся к истории Малороссии // Библиографические записки, 1858. № 9.
58. Ставицький О. Ф. Коментар до «Енеїди» Івана Котляревського та його історія. К.: Радянська школа, 1989.
59. Стратій Я. М. Иван Вишенський і спорідненість його вчення з ідеями Реформації // Нічик В. М., Литвинов В. Д., Стратій Я. М. Гуманістичні і реформаційні ідеї на Україні. К., 1991.
60. Сыч В. Ф. Синтаксис украинской полемической литературы конца XVI – начала XVII ст.: автореф. дис. на соиск. ученой степени канд. филол. наук. К., 1960.
61. Темчин С. Ю. Функционирование руськой мовы и иерархия церковных текстов // Studia Russica. XXIII. Budapest, 2009.
62. Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М.: Наука, 1988.
63. Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI-XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2002.
64. Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. (Язык; Семиотика; Культура).
65. Успенский Б. А. Раскол и культурный конфликт XVII века // Успенский Б.А. Избранные труды. Т.1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994.
66. Франко І. Иван Вишенський і його твори // Франко І. Зібрання творів у 50 т. К., 1981. Т. 30.

67. Чижевский Д. A History of Ukrainian Literature, From the 11th to the End of the 19th Century. Trans. by D. Ferguson, D. Gorsline, Ulana Petyk. Ed. and Foreword by G. Luckyj. Littleton: Ukrainian Academic Press, 1975.
68. Чижевський Д. І. Історія української літератури (від початків до доби реалізму). Нью-Йорк: Українська Вільна Академія Наук у США, 1956.
69. Шаховский С. М. История украинской литературы (краткий очерк). / Под общей ред. А. И. Белецкого. Вып. 1. К.: Радянська школа, 1950.
70. Шумило С. В. Старец Иоанн Вишенский: афонский подвижник и православный писатель-полемист. Материалы к жизнеописанию «блаженной памяти великого старца Иоанна Вишенского Святогорца». К.: Издательский отдел УПЦ, 2016.
71. Яременко П. К. Исследование украинской полемично-публицистической литературы конца XVI – начала XVII ст. ст.: доклад о сод-нии опубл. работ, предст. по совок-ти на соиск. ученой степени доктора фил. наук. К., 1966.
72. Gröschel B. Die Sprache Ivan Vyšenskyjs: Untersuchungen und Materialien zur historischen Grammatik des Ukrainischen. Bonn, 1967.
73. Rabus Achim. Variation im System? Die Register der ruthenischen Schriftsprache ('prosta mova') // Die Welt der Slaven. LV. München, 2010.
74. Shabliovsky Y. Ukrainian literature through the ages. K.: Mistetstvo Publishers, 1970.